

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

«ЗАКАЗ» НЕВЫПОЛНИМ

Сергей САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров

«Заказ» невыполним

Серия «Спецназ ГРУ»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249352

«Заказ» невыполним: Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-38922-3

Аннотация

Он был стрелком от бога, не промахивался никогда, хотя был еще совсем мальчишкой. Но на войне взрослеют быстро. Пятнадцатилетний Таймасхан потерял своего отца, известного полевого командира Джамбулата Гарсиева. Он стал профессиональным киллером, на его счету было уже много исполненных «заказов», но долгие годы Таймасхан жил одной мыслью – отомстить тому, кто убил его отца: капитану ГРУ Андрею Судоплатову... Не знал он главного – отец не погиб во время того, последнего боя, он выжил, хотя и попал, контуженный, в плен...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	37
ГЛАВА ПЕРВАЯ	38
1	38
2	51
ГЛАВА ВТОРАЯ	66
1	66
2	79
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	95
1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Самаров

«Заказ» невыполним

ПРОЛОГ

2002 год

Бронетранспортер с трудом одолевал подъем.

Склон горы был местами настолько крут, что казалось, преодолеть его вообще никакому транспорту не по силам. Тем не менее БТР упрямо взбирался в гору, придавливая тяжелыми колесами редкие кусты, покрывающие весь склон. Переезжая крупные камни, он неуклюже задирает одну сторону, но переваливался через преграду и двигался выше с тем же непоколебимым и тупым машинным упорством.

Новая автоматная очередь ударила коротко и звучно, и еще более звучно прозвенели три пули, задев лобовую броню башни бронетранспортера, ничуть не затормозив его движения. Следующая такая же короткая очередь была предназначена одному из передних колес, но пулестойкая резина тоже выдержала удары без проблем. Бронетранспортер упрямо лез и лез кверху, не боясь автоматов. И даже сам пошевелил крупнокалиберным пулеметом, словно отыскивая цель,

но ее стрелок БТРа не видел, и потому пулемет молчал.

Больше автоматы не стреляли. И вообще, кроме тугого и тягучего звука двигателя БТРа, ничего слышно не было. Чуть в стороне так же взбирались в гору еще несколько бронетранспортеров. И по ним никто не стрелял. Война получалась странной...

* * *

Эмир Джамбулат Гарсиев был слишком велик ростом, чтобы хорошо прятаться. Ему еще и было трудно сгибать спину, чтобы за кустами скрываться – не так давно во время отступления с места засады на федеральной дороге мина разорвалась за спиной, и совсем бы не выжить эмиру, если бы не большой камень. Он осколки на себя принял как раз в том направлении, где они должны были в спину Джамбулату попасть. Но сам камень взрывной волной сорвало, и он ударил эмира в позвоночник. Джамаат своего эмира не бросил. Несли на сооруженных наскоро носилках. И сумели оторваться от преследования «волкодавов» из спецназа внутренних войск. Три дня Джамбулат отлеживался, и уже вторую неделю не мог наклониться. Контузия вроде бы небольшая, а надолго лишила эмира боеспособности. А тут, как назло, уже спецназ ГРУ обложил остатки джамаата со всех сторон...

Спецназовцы сами подставляться под выстрелы не хотели.

Нашелся предатель, сообщивший, что все три гранатомета джамаата остались без зарядов, и потому их пришлось бросить в кустах на окраине села. Зачем таскать с собой бесполезную тяжесть, если стрелять нечем. А об этом в маленьком горном селе, в которое утром вошел спецназ, знали все. Кто-то удержать язык за зубами не сумел. И даже направление, которым повел своих бойцов эмир Гарсиев, показал. И потому, собрав уже данные разведки, окружали боевиков бронетранспортерами, которые ручной гранатой, как и автоматной очередью, не прошибешь. Собирались без потерь обойтись, и, кажется, обходились...

Джамбулат лучше других знал, что отходить им в этот раз, можно сказать, некуда, а серьезный бой принимать сложно, потому что в живых осталось только шестеро, включая самого эмира и его сына-подростка. Правда, Таймасхан воевать начал с девяти лет, а к пятнадцати уже приобрел опыт испытанного бойца. А что касается умения стрелять из пистолетов сразу с двух рук и предельно точно, так Джамбулат не только в своем джамаате, он вообще никогда не видел ничего подобного. Казалось, что сын совсем не прицеливается, а пули летят не туда, куда их ствол направляет, а куда глаз и мысль Таймасхана покажут. И при этом стрелял удивительно быстро. Так что, Таймасхана, несмотря на то, что он вообще не носил с собой автомат, можно было считать полноценной боевой единицей, чего нельзя было сказать о самом эмире Джамбулате Гарсиеве, который после контузии знал только

два положения – лежа, как бревно, или стоя, как телеграфный столб.

Тем не менее, воевать приходилось, и Джамбулат чувствовал, как крошатся у него зубы, когда он сжимал их от боли в спине при каждом, самом простейшем движении. У него хватило бы мужества встать прямо и так принять бой, а потом и смерть, чтобы избавиться от мучений, как может избавиться от них настоящий воин, не желающий больше отступать. Джамбулат не боялся смерти. Но это значило бы выдать местоположение остатков джамаата, поскольку все бойцы сконцентрировались возле своего эмира. И потому приходилось пригибаться и приседать, хотя и держа при этом корпус с максимально допустимой прямотой.

Стрелять было бесполезно... Каждая очередь может выдать месторасположение джамаата. А толку никакого, потому что автоматная пуля бронетранспортер никогда не пробьет. Это понимали все, но нервы не у всех были одинаковые, и несколько очередей прозвучали даже тогда, когда стало ясно, что за бронетранспортерами не рассыпалась веером пехота.

Остатки джамаата отступали в сторону единственного спасительного прохода. Правда, он предполагал небольшой, но совершенно открытый подъем по крутой скале в местности, полностью простреливаемой, чтобы потом по скрытой от постороннего глаза расщелине выбраться на плато и двинуться к перевалу, за которым уже никто не сможет бойцов

найти. Но короткий этот подъем, к несчастью, предстояло не пройти – там уклон горы градусов в семьдесят, не меньше – по нему необходимо было взбираться, отыскивая для рук и ног трещины в скалах, подтягиваться и медленно карабкаться. Если спецназовские БТРы уйдут в сторону – подняться можно. Никак не успеют они среагировать и подоспеть, чтобы расстрелять беглецов из пулеметов. Если не уйдут, то каждый, кто будет по скале поднимать, станет великолепной, как в учебном тире, мишенью.

Но для самого эмира Джамбулата Гарсиева спасения уже не существовало. Он просто физически был не в состоянии подняться по скале, чтобы дальше уйти в расщелину, хотя именно он привел к этому месту своих бойцов. И вел он их, зная, что сам подняться не сможет – спина не позволит. Но себе он отвел роль, достойную эмира – Джамбулат должен был прикрывать отход остальных. Прикрывать до конца, не допустить быстрого преследования, пока джамаат не пройдет через расщелину. Это он сделать мог...

* * *

– Я – «Казак»... – вышел в эфир капитан Судоплатов. – Вижу их... Они к расщелине направляются. Поджимайтесь туда с разных сторон, зажимайте, не дать никому уйти. Огонь на поражение, как только полезет первый...

Командир роты стоял внизу, в густых кустах у подошвы

горы, где занял позицию с двумя взводами, рассыпавшимися редкой цепью, и в бинокль просматривал преследование джамаата Гарсиева. Снизу ему видно было лучше, чем из смотровых щелей бронетранспортеров. Он не хуже самих бандитов знал местность, потому что проводил здесь уже вторую операцию за достаточно короткий период, и ему было хорошо известно о существовании прохода, но и о сложности подъема к расщелине тоже знал. Поэтому был уверен, что никто из бандитов уйти не сможет.

Уничтожение джамаата Гарсиева для капитана Судоплатова было делом чести, потому что месяц назад именно этот джамаат взорвал на горной дороге бронетранспортер с отделением солдат из роты капитана, а потом в коротком бою, перед тем, как отступить, уничтожил трех солдат и двоих ранил. И целый месяц Андрей Вячеславович собирал информацию о самом Джамбулате Гарсиеве и местах обитания его джамаата. Неделью назад чуть было не удалось накрыть бандитов в лесном урочище, но тогда получилось уничтожить только шестерых, а еще шестеро во главе с самим эмиром смогли уйти. Но теперь, прижатым к скалам и обессиленным преследованием, бандитам деться было некуда.

Судоплатов знал, что пленных в таких ситуациях лучше не брать, потому что эти пленные потом объявляются в новой банде. И потому приказ был категоричным: огонь вести на уничтожение...

– А если, товарищ капитан, не полезут? – спросил из од-

ного из БТРов лейтенант Локтев.

– У них есть выбор?

– Есть... По кустам спуститься... Нам их видно будет, только если переедем...

– А я здесь для чего? И для чего я машины без прикрытия выпустил? Пусть спускаются... – согласился капитан Судоплатов.

– Здесь у нас крутизна сплошная. Мы развернуться не сможем... Будем разворачиваться, можем кувыркнуться... Почти наверняка кувыркнемся, мне механик говорит...

– Не надо, пожалуй... Будете задним ходом спускаться. До более пологого места...

– Есть, спускаться задним ходом.

– Но не сразу... Они могут рискнуть полезть под обстрелом. Джамбулат парень рискованный...

– Мыждемся...

* * *

Рискованный парень эмир Джамбулат Гарсиев при любом раскладе дальнейших событий не видел для себя варианта, чтобы остаться в живых. Если все полезут в расщелину, как он им прикажет, ему туда дороги нет. Если все будут отступать перед спецназовским бронетранспортером, то опять кем-то необходимо пожертвовать, чтобы отвлекать внимание и вызывать на себя огонь. Это даст возможность спастись

другим. Джембулат правильно рассчитал, что при крутизне склона бронетранспортеры, ползущие кверху, развернуться здесь не рискнут, иначе просто перевернутся и покатаются, теряя при переворачивании колеса. Значит, они будут спускаться на задней скорости. А это, естественно, означает и отсутствие обзора, и медленный спуск. Можно при этом уйти. Можно... Но кто-то должен будет задержать здесь, наверху, спецназовцев. Хотя бы на несколько минут. И этот кто-то – как сам эмир решил – самый малоподвижный, то есть, он сам.

Конечно, как опытный полевой командир, Джембулат Гарсиев предполагал, что и внизу выставлен заслон, через который придется прорываться с боем. Это для него тем более недоступно. Прорыв – это передвижение сначала ползком, но предельно быстро, потом бегом, и опять – предельно быстро. С его контуженной спиной это невозможно.

И выход только один – вызвать огонь на себя и дать возможность оставшимся прорваться...

При этом Джембулат вовсе не собирался выглядеть героем. Он просто рассуждал здраво и рационально, как всегда, с тех пор, как стал эмиром. Он всегда был хорошим эмиром, и знал это. О своих бойцах Джембулат всегда заботился больше, чем о себе самом и о собственном сыне, и все в джамаате относились к эмиру с уважительным почтением и готовы были пойти за ним куда угодно, как не пошли бы за большинством эмиров бойцы других джамаатов. И Джембулат ценил

такое отношение. И сейчас он намеревался поступить в полном соответствии со своими принципами.

Было ли ему жалко расставаться с жизнью? Сейчас он об этом не думал, но, бывало, думал раньше, сидя где-нибудь у небольшого потайного лесного костерка. Джамбулат пошел воевать за идеалы, которые когда-то были многообещающими. Но вскоре разочаровался. Но обратной дороги у эмира Гарсиева не было, и все последние годы он даже не знал, за что воюет. Те, кто войну начинал, обросли деньгами и связями и хорошо устроились где-то за границей. Его за границей никто не ждал, да и не хотел он никуда уходить со своей земли. Он очень устал от бесконечной войны, в которую втравил и собственного малолетнего сына. Иногда возникала мысль о том, чтобы в разгар боя встать в полный рост, и тогда вся усталость пройдет. И уже не будут мучить сомнения о смысле жизни и о бесцельно потраченных лучших ее годах. Только мысль о сыне, о том, что Таймасхан, хороший боец, но нисколько не приспособленный к мирной жизни человек, останется совсем один, сдерживала Джамбулата.

Но теперь его уже и эта мысль сдержать не могла, потому что, вызывая огонь на себя, он спасал не только бойцов джамаата, но и собственного сына. А горец в пятнадцать лет уже взрослый человек, но сумеет за себя постоять. Да и друзья помогут ему не пропасть, не сгинуть в небытие, не стать подлецом. В джамаате все относились к Таймасхану по-дружески. Нет, не бросят его... Не пропадет сын эмира, пока жив

будет хотя бы один из бойцов джамаата...

Вместе с Таймасханом на прорыв пойдут четверо. Четверо – это сильная поддержка. И Джамбулат Гарсиев надеялся на своих бойцов...

* * *

– «Казак», я – «Разлив»... – сказал лейтенант Локтев. – Я не вижу их...

– Я – «Казак», – отозвался капитан Судоплатов, не отрываясь от бинокля. – Смешно признаться, но я их тоже потерял. Знаю, где вошли в кусты, знаю, где должны выйти, но не выходят, хотя должны были бы уже два раза успеть.

– Пора добывать бинокль с тепловизором, товарищ капитан... Мне в прошлом месяце чуть было не подвернулся, да младший сержант Васильченко перестарался – очередью вместе с бандитом весь бинокль покрошил. Что делать будем?

– Продолжать движение. Бронетранспортерам сходить к месту подъема в расщелину. Я всем в карте точку обозначил. Больше им идти некуда... На всякий случай, правому и левому флангу занять позицию у подножия скал. Десантироваться и рассредоточиться. Остальным стягиваться к точке...

– Понял, товарищ капитан. Есть, продолжать движение.

– Ермаков! – уже прикрыв микрофон рукой, крикнул ка-

питан в сторону.

– Я! – из кустов отозвался старший сержант Ермаков, один из снайперов роты.

– Пошарь через прицел... Не видишь их?

У снайпера была простейшая СВД¹, принципиально не имеющая другого прицела, кроме ПСО-1, а такой прицел способен лишь на просматривание инфракрасной цели в темноте и без помех в виде тумана, дыма, кустов и прочего. В принципе, это почти настоящий тепловизор, он может помочь, потому что инфракрасное свечение отдельными кусками можно уловить и через кусты. Пусть это будет и не определение цели, в которую можно произвести точный выстрел, но это все равно будет обнаружение противника. А капитану пока требовалось только это.

Снайпер долго что-то высматривал.

– Есть, товарищ капитан... – сказал наконец. – В тех же кустах, куда ушли.

– Сколько человек?

– Мне трудно сказать. Они тесно сидят. Но я не думаю, чтобы там их батальон дожидался... Похоже, как было шестеро, так шестеро и осталось. По крайней мере, в стороне никто не светится. Я бы нашел, если что.

– Продолжай наблюдение, – приказал Судоплатов и убрал руку с микрофона. – «Разлив», слышишь? Я – «Казак»...

– Я – «Разлив». Слышу нормально.

¹ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

– Там они, в кустах, полным составом. Продолжайте движение. Но фланговые машины – приказ прежний. Заблокируйте обе стороны... Прорыв может пойти в любую сторону.

– Лучше бы, на скалу полезли – высказал пожелание лейтенант.

– Лучше бы, – согласился капитан. – Еще лучше бы, если б друг друга перестреляли... Работаем! И не отвлекаемся на болтовню. И поторопитесь. Они уже недалеко от скалы. Можете издали не достать их, когда полезут... Ермаков!

– Я!

– Тебе скалу видно хорошо?

– Место подъема полностью простреливается. Можно без бронетехники обойтись.

– Нормально. Контролируй ситуацию.

– Есть, контролировать ситуацию. Они, кстати, уже пошли дальше.

* * *

Джамбулат Гарсиев нашел на склоне большое овальное углубление, в котором была достаточно высокая и широкая скала, прикрывавшая его от преследующих джамаат бронетранспортеров. И за скалой, спрятавшись, эмир с наслаждением выпрямился, позволяя своей измученной спине отдохнуть перед очередным рывком через кусты. Он поставил к камню стволом кверху автомат и помассировал позвоночник

в районе поясницы, где оседала основная боль, сразу двумя руками. Когда сильно давишь на позвоночник и на крестец пальцами, боль из острой становится тупой и ноющей, долгой, но не такой стреляющей. Такая боль легче переносится и позволяет двигаться. И эмир давил пальцами что было силы. Такого массажа должно хватить минут на десять дальнейшего активного передвижения, не больше. Но десяти минут должно хватить, чтобы добраться до скалы, которую предстоит преодолеть бойцам. А бронетранспортеры не должны успеть, слишком крут для них подъем, слишком медленно они ползут. Конечно, пулеметы могут стрелять и издали, но прицельность огня совсем иная, нужной заградительной плотности не создается. Тем более, если стреляют в движении. А останавливаться бронетранспортеры не будут. Можно и нужно успеть уйти. А потом сам Джамбулат останется и не даст спецназовцам сразу броситься в преследование. Пусть расщелина и извилистая и не простреливается по всей длине, но быстрое преследование опасно. Хоть на какое-то время задержать спецназ он сумеет.

Джамаат остановился на короткий отдых рядом со скалой, бойцы присели на корточки. Ждали эмира. усиленно разминаящего спину. Конечно, можно было бы попросить сына или кого-то из бойцов сделать массаж. Но это, во-первых, общая задержка и потеря времени, во-вторых, будет унижением мужского достоинства бойца, к которому с такой просьбой обратишься. Массажист – это не воин. Массажист – это

обслуживающий персонал. Так считал Джамбулат. И потому даже сына не просил о помощи.

– Эмир, – позвал Хамзат, самый возрастной и опытный из оставшихся в живых бойцов группы. – Послушайте сами...

Хамзат не сразу сказал, что хотел. Он дождался, когда Джамбулат самомассаж закончит и возьмет автомат в руки. Это врожденная деликатность, свойственная сильным людям. Сила не в грубости, как всегда учил эмир своего сына. Сила в уважении своей и чужой силы. Сдержанно уважать следует и друга, и врага, и тогда сам будешь сильным. Хамзат был сильным.

Джамбулат шагнул ближе, и для этого пришлось слегка пригнуться. Боль в спине ощутилась сразу и заставила окаменеть лицо. Окаменеть, но не сморщиться, не изобразить гримасу.

– Что?

– Звуки... Двигатели... Отсюда все машины не видны, но они, мне кажется, приближаются. Со всех сторон идут сюда. Может, нас видят?

– Кусты густые... – в сомнении подсказал другой боец, Алхазур.

Алхазур, в отличие от Хамзата, всегда был слишком легкомысленен, больше надеялся на свою удачливость. А это когда-нибудь может подвести.

– Они могут знать проход? – спросил Джамбулат.

– Пару месяцев назад джамаат Аламкажаева здесь же рас-

стреляли, – сказал Батырбек, еще один боец джамаата, только чуть постарше Таймасхана, пронырливый разведчик.

– Я помню, – сказал эмир. – В каком месте их накрыли?

– Говорили, на склоне. Может быть, здесь же... Аламкажаев расщелину знал и всегда по ней ходил.

– Значит, если его накрыли здесь, и это были те самые спецназовцы, они про проход знают, – сделал вывод Гарсиев-старший.

– Все равно больше идти некуда, фланги они наверняка закрыли, – не по возрасту мудро рассудил Гарсиев-младший. – И обратную дорогу тоже. Нам иного пути не дано...

– Путь у нас всегда один – на небо, – заметил Хамзат. – Рано или поздно, но им пройти придется. Главное, чтобы в достойном виде перед Аллахом предстать...

И он посмотрел, как и полагается при упоминании имени Всевышнего, на восток. Не на село внизу, которое тоже на восточной стороне было расположено, а на восточное небо, чистое и ясное, радостно-весеннее.

Слова Хамзата, как никакие другие, задели Джамбулата Гарсиева, потому что полностью соответствовали его мыслям многих последних месяцев, а то и лет. Но разговаривать об этом эмир не захотел, потому что все чувства человека – это всегда дело настолько личное, что выносить его для общего обсуждения не хотелось. И потому он принял решение.

– Здесь звуки трудно разобрать – мы в яме. Поднимаемся до середины последних кустов. Там ориентируемся. Если

БТРы идут в нашу сторону, значит, они знают о проходе и нацелены туда. Там и решение примем... Можем успеть в любом случае.

– Давайте торопиться. Мне надо еще подход к скале заминировать, – сказал Завгат, минер джамаата.

Но минирование ни к чему. Это знал только сам эмир, решивший остаться в прикрытии. Но он пока никому, даже сыну, о своих планах предпочитал не говорить.

* * *

Кусты были густыми, и через них пробираться было сложно. Одно утешало – высота зарослей, которая скрывала даже высокую фигуру Джамбулата и на заставляла его кланяться. Так, проламываясь и ломая ветви, а кое-где и клочки одежды оставляя, прошли больше половины оставшегося до скалы пути.

– Слушаем все, – скомандовал Джамбулат. – Замерли!..

В джамаате никогда не раздумывали, если слышали команду эмира. Если Джамбулат сказал «Замерли!», то необходимо замереть даже с поднятой для очередного шага ногой. И сразу стало слышно, как ветерок шелестит в кустах. Но сквозь этот негромкий говор ветерка отчетливо различался гул нескольких тяжелых двигателей бронетранспортеров. И уловить направление движения, сравнивая с тем, что было недавно, можно было без труда.

– К нам катят, – мрачно сказал Хамзат.

– Эх, сейчас бы «РПГ-7»... – мечтательно и с улыбкой протянул Алхазур.

Джамбулат безосновательных разговоров не поддерживал.

– Еще далеко... Медленно тянутся... Успеем проскочить до пулеметов.

– Тогда надо спешить, – поторопил Таймасхан.

– Идем, – согласился Гарсиев-старший. – Время не терять. Кто дойдет первым, других не ждет, сразу начинает подъем...

Двинулись быстро. И у самого Джамбулата вроде бы и спина начала болеть меньше, как часто случалось в критические моменты, когда организм умел мобилизовывать внутренние силы, чтобы с какой-то сложной задачей справиться. И даже мысль мелькнула: а не попробовать ли самому тоже подняться. И уйти вместе со всеми...

Но Джамбулат тут же себя одернул. Если минировать подход и подъем, на это слишком много времени уйдет, а сам минер в этом случае будет обречен. И поддержать огнем его будет некому. Значит, кто-то должен остаться, чтобы прикрыть отход остальных. Кому оставаться – решено было сразу и категорично. Значит, не стоит расслабляться и давать себе надежду.

Первым к скале вышел Алхазур. Он всегда был самым шустрым. Перед скалой оглянулся, поймал взгляд эмира и

сразу начал подъем. Оглянулся и сам Джамбулат, прислушался. Бронетранспортеры, судя по звуку, заметно приблизились. Но еще, видимо, были вне пределов прямой видимости, потому что никак не отреагировали своими голосистыми пулеметами на начавшийся подъем первого бойца.

Боль в спине возобновилась. Поворот тела всегда был болезненным, потому что сдвигались позвонки, защемляя какой-то нерв. Так объяснял еще вчера фельдшер в селе. И назад Джамбулат поворачивался медленно и осторожно. Но, еще не повернувшись до конца, почувствовал, что случилась какая-то непоправимая беда. И только секунду спустя осознал, что услышал сквозь шум двигателей БТРов одиночный выстрел. Он мог бы и вообще не услышать его, если бы сам еще через секунду не осознал, что он этого выстрела ждал и должен был бы предвидеть его. Одиночный выстрел – это не автоматная очередь. Одиночными на войне стреляют снайперы... Спецназовцы, если знают о возможности выхода через скалу в расщелину, обязательно должны были посадить неподалеку снайпера, чтобы он контролировал всю скалу. Следовательно, бронетранспортеры приближаются, а уйти от них некуда. Джамаат припрет к стене...

Их всех, весь джамаат, то есть, его остатки, «поставили к стенке». Он должен был, он обязан был просчитать... Джамбулат всегда славился тем, что просчитывал все возможные ходы и выходы. А здесь, в самый критический момент, не предусмотрел обязательность участия в операции снайпера.

Джамбулат все же закончил поворот, хотя в голове совершенно не задержалась мысль о болях в спине. Он повернулся и успел захватить момент, когда сползал со скалы, все еще цепляясь за нее, болтун и балагур Алхазур. Он был в бронежилете. Дыру в бронежилете, прикрытом сверху «разгрузкой», было не видно. Пуля оставляет слишком маленькое входное отверстие, а если пробивает бронежилет, выходного отверстия вообще не остается, потому что, пробив первую стенку бронежилета и насквозь тело, она ударяется о вторую стенку того же бронежилета, и, срикошетив, возвращается обратно.

Алхазур сползал по стене, уже расставшись с жизнью, но пальцы его еще судорожно цеплялись за камень, где остался кровавый след – кровь пошла горлом. Падение, которое успел захватить взгляд эмира, длилось от силы секунды три, но казалось медленным. Оно словно бы заняло целый нереальный час, который все, от эмира до простых бойцов и пятнадцатилетнего Таймасхана, молча смотрели на падающего Алхазура. Но первым опомнился, как ему и полагалось, эмир.

– Назад... Все назад, к кустам... Не выходить на открытое место. Снайпер лупит...

Джамбулат вовремя пресек естественное желание бойцов броситься к убитому, которому они ничем уже помочь не могли. Они все знали, что такое пуля снайпера, пробившая бронежилет. Без бронежилета получить такую пулю тоже

удовольствие не великое, но пуля может и навывлет пройти, а такую рану легче заживить даже без операции, которую в полевых условиях сделать невозможно. Правда, когда несколько лет назад, в первую войну, сам Джамбулат получил пулевое ранение навывлет, для него специально выкрали из Ставропольского края хирурга районной больницы и доставили в лес. Хирург спас его тогда, и Джамбулат приказал доставить его домой в целостности и сохранности, хотя многие этому противились, желая затребовать за хирурга выкуп. Но эмир знал, что такое благодарность, и не умел платить злом за добро. Приказ его выполнили, как выполняли все его приказы...

Алхазуру помочь уже было невозможно. Его сгубила собственная торопливость и привычка всегда лезть впереди других. Это его беда предупредила остальных. Скала в этом месте большая, трещин в ней много. Остальные тоже могли бы начать подъем. И снайпер так удачно поторопился, что никто больше из кустов не вышел. Иначе жертв могло бы быть больше. Но сейчас, когда все так закончилось, следовало думать о том, что дальше предпринимать, потому что сидеть и ждать – похоже на самоубийство.

– Все ко мне...

Бойцы и так были неподалеку, команда, скорее, требовала внимательного отношения к словам командира. На это все среагировали одинаково.

– Что делать будем?

– У нас разве есть выбор? – вопросом на вопрос ответил

Хамзат.

Раньше, даже в самой тяжелой обстановке, он не позволил бы себе так разговаривать с эмиром. Сейчас даже стальные нервы Хамзата не выдержали. Будь сейчас самый трудный бой, никто не нервничал бы. Настоящие бойцы никогда не нервничают в бою. И даже начинающие во время боя успокаиваются. Нервничают всегда в ожидании боя. Тем более, если ожидание вот такое, когда на глазах гибнет твой товарищ, молодой парень, с которым много лет уже живешь рядом, греешься у одного костра и переживаешь общие опасности.

– Есть выбор, – жестко и твердо ответил эмир. – У нас целых три варианта. Идти направо вдоль скал, идти налево вдоль скал и спускаться через те же кусты навстречу бронетранспортерам, но не показываясь никому на глаза. Сразу говорю, что во всех трех вариантах впереди бой и прорыв. Но в первых двух нас, кроме пехоты, встретят бронетранспортеры с пулеметами, а в третьем только живая цепь, и не слишком, я полагаю, плотная. Что вы выберете?

– Вы – наш эмир, вам и решать, – сказал Завгат.

– Решать вам, – сказал Джамбулат. – В прорыв пойдете без меня...

– А ты как же? – Таймасхан от удивления попытался было встать, но Хамзат вовремя положил руку на плечо мальчишке.

– Просто... Все предельно просто... Если я пойду с вами,

я вас только задержу. Вы не сумеете пройти из-за того, что я не могу бегать и ползать. Я – только помеха в прорыве. И вы не захотите бросить своего эмира. В результате погибнуть могут все, а это меня совсем не устраивает. Надеюсь, не устраивает и вас. Но я могу оказать помощь здесь. Я здесь завяжу бой и отвлеку на себя внимание.

– Я остаюсь с тобой, – сразу и категорично заявил Таймасхан.

– Это исключено. Ты будешь мне только мешать. И нет тогда смысла мне бой завязывать. Я остаюсь один. Только один. Это приказ, а приказы, мальчик, следует выполнять...

Джамбулат сказал это предельно жестко. Он хорошо знал своего сына. Таймасхана невозможно было уговорить. Но приказа мальчишка не посмел бы ослушаться. Так и получилось. Сын покорно опустил голову.

– Итак, я остаюсь здесь и принимаю бой, отвлекая на себя внимание, – просто и серьезно, как обычно говорил, когда отдавал команду, распоряжался эмир и сейчас. – У вас в группе старшим назначаю Хамзата. Остальные выполняют его команды, как мои. А Хамзат уже решает, в какую сторону вы пойдете. Я бы порекомендовал возвратиться в сторону села. Против бронетранспортеров идти гораздо сложнее. Простую цепь прорвать реальнее. Потом внизу, за спиной у спецназа, можно будет уйти по берегу реки. У них нет причины выставлять там пост, и дорога должна быть свободна. До леса всего пара километров. Долина реки извилиста и да-

леко не простреливается. Возможность прорваться есть...

– Мы пойдем вниз, эмир, – согласился Хамзат.

– Отец... – поднял голову Таймасхан.

В глазах у мальчика были слезы, но никто не решился бы осудить его за это.

– Идите, – сказал эмир. – Мой сын сейчас догонит вас...

Он пойдет замыкающим и прикроет вас с тыла...

Хамзат, Батырбек и Завгат понимали, что отцу с сыном надо проститься, и лучше делать это без посторонних. Они по очереди пожали Джамбулату руку и один за другим, пользуясь тем, что кусты в этом месте не заставляют их пригибаться, быстро двинулись вниз по склону.

– Осторожнее – в спины им сказал эмир. – У снайпера может быть винтовка с инфракрасным прицелом.

Он не стал расшифровывать – что это такое. Все и без него знали, что в этом случае кусты бывают плохой защитой.

– Отец... – повторил Таймасхан, шагая к эмиру.

– Так надо, сын. Тебе я могу завещать только нашу фамилию, которую ничем не посрамил, и надеюсь, что ты будешь носить ее с достоинством. Будь честным перед собой – это все, что я могу тебе сказать.

Таймасхан ростом был почти с отца и стоял перед ним, не зная, куда деть руки.

– Иди, догоняй, – поторопил Джамбулат сына.

– Я хотел бы остаться с тобой...

– Ты прикрываешь группу с тыла.

– От кого их прикрывать?

– Любой из бронетранспортеров может высадить десант.

И твоих товарищей расстреляют в спины. Иди...

Таймасхан опустил голову, но отец подтолкнул его в плечо, и мальчик пошел.

– Не забывай об осторожности. Иначе никто не прикроет группу, – теперь уже в спину ему сказал эмир. Я не смог стать победителем, ты им станешь...

Это прозвучало, как завещание, и заставило Таймасхана снова обернуться.

– Иди, – отец торопил мальчишку...

* * *

Таймасхан плохо представлял себе, что такое родительская ласка. Он вырос без давно умершей матери, только с отцом, человеком справедливым, но суровым и не склонным даже по голове ребенка погладить. Такая же сдержанность передалась по наследству и самому Таймасхану и, даже после того, как Хамзат, Батырбек и Завгат пожали отцу руку, сын повторить это же не решился. Но, не зная ласки, не чувствовал себя чем-то ущемленным, потому что сам в ней потребности не чувствовал, да и на отца стремился походить всем, даже суровостью и сдержанностью. И справедливостью, потому что бойцы джамаата не раз говорили Таймасхану, что не встречали еще такого справедливого и честного эмира,

как Джамбулат. И сын отцом гордился, хотя тот ничем не выделял его среди других, но спрашивал строже и требовал больше.

Он гордился им и сейчас, оставив его одного там, куда с разных сторон стягивались по склону бронетранспортеры. Не видя, что происходит за его спиной, не зная, что задумал отец, Таймасхан словно бы читал его мысли и понимал, что Гарсиев-старший не настолько прост, чтобы остаться на открытом месте и оттуда встречать очередями бронетранспортеры, которые его пуль даже не заметят. Отец обязательно выберет наилучшую из возможных позиций, как он один во всем джамаате умел выбирать. Потом на этой позиции, обязательно скрытной, дождется, когда бронетранспортеры съедутся в одной какой-то точке. Эмир, конечно, эту точку просчитает. А когда бронетранспортеры остановятся рядом, спецназовцы непременно пожелают обменяться мнением обо всем происходящем. И покинут защищающую их броню. Вот тогда, когда они вместе соберутся, отец и начнет стрелять. Он умеет выпускать очередь за очередью очень быстро, почти без перерыва. И каждая короткая очередь будет нести одну или даже несколько смертей.

Так думал Таймасхан, гордясь поступком отца, оставшегося за его спиной, сам спускаясь по склону и пригибаясь за кустами, которые стали значительно ниже тех, что скрывали остатки джамаата в начале пути. И при этом Таймасхан не забывал смотреть по сторонам. Отец правильно сказал,

что бронетранспортер может высадить спецназовцев, которые зайдут со спины идущим на прорыв бойцам, и смогут без затей расстрелять их. Подстраховка в этом случае обязательна.

Таймасхан страховал, держа в каждой руке по автоматической «беретте», хотя обычно никогда не стрелял из своих пистолетов в таком режиме. Просто «беретта» ему нравилась максимальной скорострельностью даже при стрельбе одиночными выстрелами. И Таймасхан, пятнадцатилетний боец, готов был стрелять с любой руки в противника, как только тот покажется на глаза. Но противника пока видно не было...

* * *

Наверное, Хамзат, Батырбек и Завгат шли быстрее, потому что они были уверены, что Таймасхан их прикроет. А он и к флангам присматривался, и себе за спину тоже посматривал, а еще ждал, что где-то там, на самом верху, раздастся звук автоматных очередей. И Гарсиев-младший никак не мог догнать товарищей, даже взглядом их отыскать не мог. И только у самой подошвы горы ему пришлось поторопиться, потому что услышал, как внизу взорвалась граната, за ней вторая и третья, потом раздались, как Таймасхан и предполагал, сначала несколько коротких очередей вверху – отец начал бой, и на эти короткие очереди ответили сразу несколь-

ко автоматов и два пулемета, и тут же заговорили автоматы внизу, а две гранаты разорвались одна за другой.

Таймасхан побежал на эти взрывы, но опоздал на какие-то, наверное, десять – пятнадцать секунд. Но, выскакивая из кустов, сразу увидел, что четверо солдат-спецназовцев стоят перед двумя разорванными их очередями и осколками гранат телами, а еще двое стреляют с колена, и там кто-то убегает, петляя, чтобы затруднить прицеливание. Этот «кто-то» узнался сразу – Хамзат сумел прорваться.

Мальчишка находился от спецназовцев метрах в двадцати. Они его увидели, увидели, что автомата у него в руках нет, а пистолета всерьез не восприняли, и потому сами оружие поднимать не слишком торопились. Они просто не могли предположить, что умеет Таймасхан делать этими пистолетами. А он стрелял на бегу с вытянутых рук прицельно в голову, потому что пуля «беретты» слишком слаба, чтобы пробить армейский бронежилет. Стрелял быстро и точно, и прежде, чем солдаты сумели поднять оружие, Таймасхан уже очистил себе дорогу. Но он даже не остановился, чтобы лучше прицелиться. Он сразу увидел, как упал под пулями Хамзат, и как двое солдат поворачиваются в его сторону. Новые выстрелы и этих солдат бросили на землю. И опять пули попали в головы. Дорога была свободна полностью, но Таймасхан все же задержался около распростертых на земле Батырбека и Завгата, но товарищи не подавали признаков жизни.

Пули взбили фонтанчики земли рядом с ногами. Стреля-

ли издалека с фланга. И Таймасхан не стал ждать. Он прыгнул с места и побежал той же дорогой, что и Хамзат, и скоро оказался рядом. Хамзат был жив, он даже сесть пытался, но кровь обильно хлестала из простреленной ноги.

– Идти можешь? – задыхаясь, спросил мальчишка.

– Перевязать бы... – в руках Хамзата уже был перевязочный пакет. – Артерию не задело.

Таймасхан отложил пистолеты и перехватил этот пакет. Перевязку делал поверх штанины. Потом помог старшему товарищу встать.

– Завгат, Батырбек?... – спросил Хамзат.

– Убиты...

Хамзат сделал три шага и замер.

– Нет... Не дойду... Ты беги. Я задержу их...

– Руку на плечо клади, – не слушая его, сказал Таймасхан. – Тут до кустов совсем ничего осталось. Бежим...

Хамзат не сумел отказаться. Стрелять по беглецам начали только тогда, когда они уже достигли кустов, за которыми начинался спуск к реке. Пули со свистом срезали несколько веток. Но, отпустив Хамзата, Таймасхан остановился и обернулся, посмотрел на верхние скалы. Там уже не стреляли...

* * *

– Мне не уйти, – сказал Хамзат. – Догонят... Иди один... Они остановились на берегу реки, когда уже миновали

расположенное на другом берегу село. И миновали два поворота русла, а потому были невидимы для преследователей, но и самих преследователей не видели и не знали, насколько им необходимо торопиться и можно ли останавливаться на краткосрочный отдых.

Таймасхан осмотрелся.

– Вдоль реки – догонят, – согласился он.

– Тебя не догонят. У тебя ноги быстрые. А я прикрою, как твой отец нас прикрывал...

– Отец когда-то говорил, что волки погибают в одиночестве, – заметил мальчишка. – Попробуем реку перейти. Здесь единственное место, где это возможно.

– Течение сильное. Мне на ногах не устоять, – здраво оценил Хамзат свое состояние.

– На трех ногах устоим. Будем пробовать. Выше или ниже – не перейти, здесь – можно...

Мальчишка распоряжался, как эмир. Он умел принимать решения. Это, наверное, было у него в крови. И умел не отступать перед трудностями. Хамзат головой покачал, но отказаться от возможности остаться в живых не решился. А Таймасхан уже вошел в воду по колено. Вода была ледяной, сразу стягивала мышцы еще не судорогой, но чем-то напоминающем судорогу. Но и это его не останавливало.

– А по тому берегу не догонят? – спросил Хамзат.

– В село пойдем. К фельдшеру... Скоро стемнеет... Он спрячет... И вылечит... Он друг отца...

– Идем, – решился Хамзат.

Течение не просто старалось с ног сбить, а не давало даже ногу прочно поставить. И потому переходили реку медленно, стараясь не оступиться на скользких донных камнях. Но уже ближе к другому берегу, где вода доставала почти до груди, течение все же сбilo с ног не Хамзата, который с трудом ступал, а Таймасхана, который поскользнулся и занял неустойчивое положение, чтобы не упасть. Хамзат один удержаться тоже не смог. Но, такое злобное, когда чувствует сопротивление, течение оказалось спасительным, когда отдаешься на его волю, и уже через пять секунд оно выбросило обоих беглецов на каменистый берег. Правда, Хамзат во время плавания потерял автомат. Много лет не выпускавший из рук оружия, он теперь не знал, куда ему руки девать – опустевшие без автомата руки сильно мешали...

– Выбрались... Давай быстрее в кусты... Там пересидим...

В кусты они спрятались вовремя. Только смогли едва-едва дыхание перевести, как на берегу показалась погоня. Спецназовцев было не меньше взвода, и вели их лейтенант и капитан. Но двигалось преследование не слишком быстро, потому что видели на камнях капли крови, понимали, что гонятся за раненым, которому идти трудно, а потому ожидали засады. Спецназ любит сам работать из засады, но не любит в нее попадать.

Таймасхан с другого берега чуть ли из кустов не высунул-

ся, всматриваясь в лицо капитана и стараясь хорошо запомнить человека, который победил его отца. Он знал уже, что жизни не пожалеет, чтобы с этим капитаном встретиться еще раз. Встретиться, чтобы победить победителя. Но для этого еще следует выбрать подходящий момент. Что такое спецназ ГРУ Таймасхан, несмотря на молодые годы, знал хорошо...

* * *

Когда капитану Судоплатову командир взвода старший лейтенант Воблотаев сообщил о шестерых убитых, тот не хотел поверить.

– Ты что, ждал, когда парней расстреляют? Ты их безоружными в заграждение выставил? Сколько человек прорывалось?

Сам капитан вместе с другим взводом занимал позицию по ту сторону каменной гряды, разделяющей проход к селу на два коридора, стрельбу и взрывы слышал, но преодоление гряды требовало времени, и подоспел он слишком поздно.

– Четверо, товарищ капитан, – Воблотаев вину свою чувствовал и отвечал тихо. – Мы их в другом месте ждали, на самом удобном для прорыва месте, где овраги идут, там основные силы сконцентрировали. А они через равнину по кустам пошли. На этом участке только шестеро и было. Не смогли удержать...

– Четверо против шестерых... Один солдат обязан был их

всех четверых уничтожить.

– Один из четверых бандитов уничтожил всех шестерых... Когда стрельба и взрывы пошли, мы сдвинулись туда, но тоже не сразу, потому что посчитали это отвлекающим маневром. А когда все же сдвинулись, уже было поздно. Наш фланговый с высоты все видел, успел дать очередь с дальней дистанции, но слишком далеко сидел – не попал...

– Что там было? Как такое случилось?

– Сначала трое прорывалось. Просто из кустов выскочили, бросили по гранате на позицию. Наши среагировали, залегли. Один бандит успел проскочить, двоих сначала ранили, остановили, потом, чтобы не возиться, накрыли парой гранат. Четверо к ним подошли, двое обстреливали прорвавшегося. И в этот момент из кустов еще один выскочил. Без автомата. Стрелял из пистолетов с двух рук на бегу. Сразу прицельно в голову. Каждый выстрел – попадание. Никто даже автомата поднять не успел. Этот пистолетчик прорвался, перевязал раненого, что до него прорвался – мы перевязочный пакет и лужу крови внизу нашли, и вместе они к реке двинулись. Догоним...

– Оставайся на месте. Встречай БТРы... Румянцев, со взводом, за мной.

– Есть, товарищ капитан...

Командир взвода лейтенант Румянцев отдал команду солдатам. Строй при этом соблюдался только в самом начале, когда еще не выдвинули вперед двух бойцов с ручными пуле-

метами и две группы по три автоматчика по флангам. А когда вышли на берег, весь строй вообще рассеялся, поскольку капитан дал команду:

– Идем цепью, искать следы... Внимательность предельная, стрелять на поражение!..

На первом полукилометре берега несколько раз были обнаружены капли крови на камнях. Дальше не было ни следов, ни капель. Дойдя до леса и углубившись только на опушку, еще поискали следы, потому что там была мягкая, недавно оттаявшая земля, которую невозможно было пройти, следов не оставив. Но даже самый тщательный осмотр ничего не дал. Бандиты прорвались и потерялись...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2009 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Высокий красивый человек восточной наружности в задумчивости сидел в кресле у журнального столика, вытянув перед собой ноги. На столике на медном чеканенном и украшенном цветной глазурью подносе, изделия индийских ремесленников, стояли заварочный чайник и чайная чашка, но к напитку человек не притрагивался.

Из задумчивости его вывел телефонный звонок. Пришлось встать и пройти к письменному столу, на котором стоял аппарат.

– Слушаю...

– Здравствуй, Далгат, – сказали по-чеченски.

Он сразу узнал голос, и от этого голоса, спокойного, властного и требовательного одновременно Далгат поморщился, как от зубной боли.

– Здравствуйте, Гилани Гирмасолатович.

– Я тебе уже третий раз звоню. Ты что, прятаться от меня?

– Что вы, Гилани Гирмасолатович, я просто только что вернулся домой. У меня тут проблемы с заводом. Приходится решать силовым способом.

– Я тебя просил, хотя бы силовым способом, решить мою проблему.

– Мы не нашли этого человека. На нас он никак не выходил, никто его не знает. Вы уверены, что он в нашем городе?

– Абсолютно уверен.

– Город большой. Больше миллиона жителей...

– Но чеченцев не так и много, и они обычно друг друга знают.

– Я на это и рассчитывал. Но никто этого парня не видел, никто не слышал про него...

– Странно... Может, лег на дно?... Тогда должен засветиться его помощник. Некий Хамзат Хайдарбеков. Поищи такого. Мужик серьезный и уважаемый. Но надавить следует точно так же. Они должны оказаться в розыске, должны бежать из города...

– А это уже проще, вы бы сразу про Хамзата сказали. Он ко мне заходит. Правда, человек с претензией, но я его хотел на место поставить. И даже уже планы имел, как это сделать. Может быть, дело уже пошло. Я спрошу у своих парней. Вполне вероятно, что уже пошло. Вчера, кстати, Хамзат заходил, но меня не было, и сегодня, думаю, зайти должен.

– Пока сильно не дави... Отследи... Он обязательно должен иметь контакт с Таймасханом. Через него можно на Таймасхана выйти. Как только найдешь, организуй подставу и вытащи их. А дальше уже будет мое дело. Я их заберу, потому что они обычно работают в паре...

– Я сделаю, – пообещал Далгат.

– Я надеюсь, – теперь в голосе Гилани Гирмасолатовича прозвучали уже угрожающие нотки. А это уже было серьезно. – И надеюсь, что сделаешь быстро...

– Впереди два выходных. Но если Хамзат сегодня зайдет, я «запущу машину». Они никуда не денутся.

– Сразу мне позвони.

– Обязательно.

– А то, как что-то нужно, ты по три раза в день звонишь. Как мне такая мелочь понадобилась, тебя не сыскать. Я не люблю таких отношений...

– Я позвоню, – твердо пообещал Далгат.

* * *

Таймасхана разбудил звонок в дверь.

Он лег поздно, засидевшись перед телевизором, и хотя не любил много спать, все же не встал утром просто потому, что дел никаких на это воскресенье не предвиделось. Недоумевая, кто мог прийти, натянул спортивные штаны, сунул ноги в тапочки и, позевывая, двинулся к двери. Выросший в лесах и горах, рядом с кострами, к которым никакие двери не ведут, он даже дверь не всегда закрывал на ключ и не понимал городских жителей – зачем закрывать двери? И уж тем более Таймасхан не имел привычки в дверной глазок заглядывать прежде, чем дверь откроет. И потому сначала просто

дернул на себя дверную ручку, но, убедившись, что ключ в замке, все же повернул его в обратную сторону. И едва успел отскочить, потому что дверь распахнулась от удара снаружи.

Первое, что Таймасхан увидел заспанными глазами, это два пистолетных ствола, что смотрели ему в живот. И только потом заметил, что за порогом стоят менты. Трое ментов и человек в штатском. Этот, в штатском, отстранил ментов, держащих наготове пистолеты, и первым переступил порог.

– Принимай, парень, гостей... Где твой друг?

Таймасхан равнодушно зевнул. Стволами его не напугаешь. С ментами дел иметь не хотелось, но, раз уж пришли, ничего не поделаешь. Но ищут они, судя по всему, не его, а Хамзата. И не знают, где искать, если пришли сюда...

– Друг? Какой из моих друзей? У меня друзей много, – сказал Таймасхан.

Человек в штатском кивнул ментам, и двое, сержанты, не опустив пистолетов, ринулись в квартиру. Она была маленькая, однокомнатная, осмотреть ее и убедиться, что Таймасхан один, была недолго. Третий мент, капитан, вошел последним, потянул носом в сторону кухни и поморщился. С кухни так приятно пахло кислым овечьим сыром, но менту этот запах явно не понравился. Таймасхан уже знал, что этот запах, напоминающий ему горы и родные леса, здесь, в середине России, мало кому нравится. Но это их проблемы, под кого-то подстраиваться Таймасхан не хотел.

– Хамзат где? – грубо спросил, почти выкрикнул, человек

в штатском.

Сразу привлекло внимание, что Хамзата назвали не по имени и фамилии, а только по имени. Так зовут обычно хороших знакомых. Но Хамзат среди чеченцев имя распространенное, русскому менту следовало бы назвать и фамилию. И это сразу вызвало какое-то недоверие.

– А почему он должен быть здесь? Он здесь был только один раз вчера, но больше не приходил...

Хамзат жил на своей съемной квартире, вернее, даже не на квартире, а в небольшом домике в частном секторе, а Таймасхан снял эту квартиру. И Хамзат заходил сюда всего один раз, вчера, перед тем, как отправиться на очередной разговор с Далгатом. Правда, сам Таймасхан бывал в домике у Хамзата часто, но это ментам знать вовсе не обязательно.

– Так он не здесь живет?

– Он здесь никогда не жил...

– А что он здесь делал?

Пауза затянулась.

– Это что, допрос? – спросил, наконец, Таймасхан.

– Пока только беседа. Но я предупреждаю, что только – пока... Итак?...

– Что?

– Что здесь делал Хамзат?

– Услышал, что я в городе, узнал адрес, зашел проведать.

Он старый и добрый друг моего покойного отца.

– И все?

– И все... Хамзат даже не знал, что отца уже не стало.

– А кто был твой покойный отец, позволь полюбопытствовать...

– Он был полевым командиром, эмиром джамаата. Его убили, когда мне пятнадцать лет было. В две тысячи втором.

Человек в штатском ненадолго задумался, потом вытащил трубку дорогого «мобильника» с сенсорной клавиатурой и позвонил кому-то. Ответили почти сразу.

– Это Алексей... Слышишь, дело какое... Что ты меня сюда прислал? Парень говорит, что Хамзат просто старый друг его погибшего отца, зашел провести. Только вчера. Больше здесь не был, – человек в штатском огляделся. – И я вообще вижу, что в квартире живет один человек...

Услышать полностью ответ человека, говорившего с Алексеем, было невозможно. Но все же трубка была дорогая и хорошая, и отдельные слова, и даже фразы Таймасхан сумел уловить. И понял, кажется, многое.

– Как тебя зовут? Паспорт давай... – не убирая трубку от уха, грубо потребовал человек в штатском.

Паспорт был в куртке, висевшей не на вешалке, а на спинке стула. Достать паспорт недолго. Человек в штатском сам раскрыл его на нужной странице и прочитал:

– Гарсиев Таймасхан Джамбулатович... Тебе это что-то говорит?

Алексеем опять отвечали долго. И слышался явный чеченский акцент во многих словах, что удалось услышать.

– Я понял. Ладно, сделаем... Нет, это ты уже своими силами... Нам на улице светиться нельзя. Там слишком много посторонних. Вот и хорошо, только поторопись.

Человек в штатском убрал трубку в кожаный чехол, потом бережно положил в нагрудный карман пиджака.

– Поехали с нами, – сказал Таймасхану и отвернулся, открыл дверцу шкафа и заглянул внутрь. – И быстро, нам некогда... Ты, кстати, чем занимаешься у нас?

– Тренером работаю. В спортивном клубе.

– Кого тренируешь?

– Кто платит...

– Вид спорта?

– Карате киоку-синкай.

– Ладно, поехали, каратист...

– Что, так в кальсонах я и поеду? – спросил Таймасхан с насмешкой.

– Это не кальсоны, насколько я понимаю, а спортивные штаны. Или теперь кальсоны с лампасами выпускают? – съязвил Алексей. – До чего мода опаскудилась...

– Давай-давай, собирайся быстрее, – поторопил и капитан. – Я после ночного дежурства уже засыпаю... – И он демонстративно широко зевнул, показывая полный рот гнилых зубов.

– Мы тоже после ночи, – добавил один из сержантов, но зевать не стал.

Таймасхан никогда не был ярым ваххабитом, носил тру-

сы², поэтому не постеснялся снять спортивные штаны и одеть джинсы. Потом принес из коридора, под неусыпным надзором двух сержантов, берцы и стал с удовольствием аккуратно зашнуровывать. После этого одел куртку и протянул руку к человеку в штатском.

– Паспорт...

– Потом, – Алексей сунул паспорт в карман.

– Я готов, – с улыбкой сказал Таймасхан. – А вы готовы?

– К чему? – словно почувствовав недоброе, спросил капитан.

– Вот к этому...

Человек в штатском, повернувшись в этот момент к Таймасхану спиной, получил удар основанием ладони в затылок и сразу ткнулся лицом в дверцу шкафа, в бессознательном состоянии сполз на пол, размазывая по дверце кровь из разбитого носа. Капитану удар достался более тяжелый – с разворотом на триста шестьдесят градусов каблуком в голову. Таймасхан готов был поклясться при этом, что звучно затрещал вовсе не каблук. Два сержанта стояли чуть в стороне, у выхода из комнаты, и уже тянули руки к кобурам. Доставать их следовало быстрее. И потому первый упал после левого лоу-кика³, получил мимоходом удар каблуком в лицо, что заставило сержанта поднять к лицу руки и забыть на вре-

² Ваххабитам вера запрещает носить трусы.

³ Удар подъемом стопы сбоку в коленный сустав. Как правило, после такого удара человек минут сорок не может стоять на ноге.

мя про пистолет. А второй сержант, прижатый к стене, получил с разбегу боковой удар локтем в челюсть, дополненный соприкосновением затылка со стеной. Оставалось только к первому сержанту вернуться и отключить его верхним ударом локтем в брегму⁴. Дело сделано. Забрав свой паспорт, на всякий случай, Таймасхан собрал у всех четверых трубки «мобильников» и, естественно, не оставил им оружия. Пистолетов оказалось всего три, у капитана оружия не было, но все три пистолета были с запасными обоймами. И хотя «макаров» не шел в сравнение с привычными «береттами», Таймасхан удовлетворился и этим.

Быстро собрав в дорожную сумку свои вещи, которых у него было немного, он хотел было уже выйти, когда вспомнил, что видел в руке одного из сержантов брелок с ключами. Наклонился, прощупал карман, нашел. Все правильно. Ключи от машины и брелок с сигнализацией. В это время человек в штатском зашевелился и попытался сесть.

Таймасхан шагнул к нему, носком тяжелого ботинка несильно качнул подбородок, чтобы привлечь внимание. Алексей поднял ничего не понимающие глаза.

– Слышишь, Леха, я тебя о чем попрошу... – присел перед ним Таймасхан.

– Ну... – сказал человек в штатском и предплечьем раз-

⁴ Бреγμα – место соединения лобовой и теменной костей черепа. При таком ударе теменная кость часто смещается внутрь мозга, травмируя участки коры головного мозга, ответственные за движения. То есть, после сильного и точно нанесенного удара может наступит полный паралич.

мазал по лицу кровь.

– Передай Далгату, что он слишком мелкая сошка, и не стоит ему нос задирасть. Кто нос высоко задирает, сильно бьется им о землю... Ты понял меня? Сильно бьется носом о землю после того, как получает в лоб пулю... Слово в слово передай, чтобы ошибки не было.

– Понял, – угрюмо сказал человек в штатском. – Я передам. Только сдастся мне, он тебя уроет...

– Я не таких урывал... При первом суетливом движении он может смело заказывать себе могилу. Так и скажи...

– Скажу с удовольствием. И буду тебе благодарен, если ты его уроешь... А потом я тебя. Я такого не прощаю... Трубку отдай! Это подарок дочери.

– Когда меня урывать будешь, тогда и забереешь, – ответ прозвучал спокойно и убедительно. – Я ее, по твоей просьбе, сберегу... До встречи.

На прощание Таймасхан нанес последний удар – рукояткой пистолета в лоб. Кажется, не перестарался, и если человек в штатском очень постарается, то выживет...

* * *

Дверь была обита толстым утеплителем и коричневой мягкой искусственной кожей, обита аккуратно, и выглядело все красиво, однако звукоизоляция была полной, и поэтому стучать в такую дверь было бесполезно. Приходится откры-

вать и спрашивать разрешения войти.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Разрешите войти?...

– Здравствуй, Андрей Вячеславович. Проходи... Садись.

Подполковник Судоплатов шагнул вперед, выдвинул из-под стола для заседаний стул, сел, ожидая и не совсем понимая, для чего вызвал его в этот ранний воскресный час командир бригады полковник Барсук. Вызвал прямо с дачи, оторвав от любимого занятия – колки дров. Хотя домик на даче был, по большому счету, летним, если печь хорошенько протопить, и весной, когда морозы даже ночью не велики, можно там неплохо проводить время вдали от городского шума. Андрей Вячеславович этот домик строил сам с привычной для себя аккуратностью и не допускал существования щелей, через которые может уходить тепло. Он любил здесь уединяться в свободное от службы время. И вот, за чем-то вызвали... Хотя в армии и не положено спрашивать, для чего тебя вызывают. Тем более, в таких частях, как спецназ ГРУ, то есть, находящихся в постоянной боевой готовности.

– Ты у нас давно в Чечне не был? – спросил Барсук.

Вопрос прозвучал неопределенно и неконкретно, и, естественно, подумалось, что предстоит командировка в горячую точку. В подобные командировки Андрей Вячеславович с тех пор, как с должности командира роты перешел на штабную работу, уже не ездил, и, говоря по правде, слегка скучал

без этого, потому что в душе оставался все тем же боевым линейным офицером. С его нынешней должности заместителя командира бригады по боевой подготовке в Чечню могут отправить только в том случае, если необходимо кого-то заменить в связи с какими-то форс-мажорными обстоятельствами.

– Давно, товарищ полковник, очень давно... Пора бы уже размять кости, а то стареть начну раньше времени. Я готов хоть сегодня...

Полковник Барсук думал долго, опустив взгляд в чистый стол. Как всякий разведчик, командир бригады никогда не держал на столе деловых бумаг, считая, что каждому документу должно быть отведено персональное место или в сейфе, или в шкафу, в зависимости от степени секретности.

– Ехать, Андрей Вячеславович, никуда не надо... Вот... А по старым командировкам за тобой никакого следа не числится? – спросил наконец. – Не помнишь ничего?

– Не понял. Какой за мной может след числиться? – подполковник Судоплатов только плечами пожал, слегка разочарованный вопросом.

– Типа: какое-то выяснение отношений с местными... Или что-то похожее.

– Я ни в какие отношения с местными жителями не вступал. Боевые действия таких отношений не допускают, собственной агентуры моя рота не имела. Не понимаю... А в чем дело?

– А дело вот в чем... – полковник Барсук обернулся, открыл за спиной дверцу сейфа и вытащил с металлической полки лист бумаги с принтерной распечаткой. – Из областного управления ФСБ нам прислали. Какие-то чеченцы собирают на тебя полное досье. Все, начиная от послужного списка и кончая всеми семейными делами. В ФСБ такой заинтересованностью довольны не остались, поскольку антитеррористическая деятельность больше к их профилю относится нежели к нашему. Предполагают возможность адата, то есть, кровной мести, которая может распространиться не только на тебя самого, но и на членов твоей семьи.

Подполковник Судоплатов не знал, что сказать, и опять только пожал плечами. Командир бригады пододвинул ему лист распечатки для ознакомления, хотя сказал уже все, не назвав только имен.

– А кто такой этот Хамзат Хайдарбеков? – спросил, прочитав, Судоплатов.

– Насколько я понимаю, в ФСБ хотели бы у тебя поинтересоваться. Сегодня от них приедет человек, с тобой поговорить желает.

– Это довольно распространенное имя среди чеченцев, товарищ полковник. Я лично с тремя людьми знаком, которые это имя носят. Одного из них, кажется, убили. По крайней мере, до меня такие косвенные слухи доходили. Второй служил в батальоне «Восток». Служит ли сейчас, я не знаю, но, при необходимости, можно навести справки. Последний

Хамзат был совсем старый. Предполагаю, что он мог уже и умереть, но не думаю, что он находится в нашей области и собирает на меня данные. Возраст не тот для подобных поездок. Он, кажется, ветеран второй мировой, орденоседец...

— Ты думай, думай хорошо... Они платят большие деньги, чтобы собрать о тебе сведения. Кавказцы народ не жадный, но деньги очень любят и неохотно с ними расстаются. Просто так ими не швыряются. Если платят, значит, интерес большой. Чем такой интерес может быть вызван? Кроме тебя самого, едва ли кто вспомнит... Пошевели извилинами.

— Было бы что вспоминать. Если с их стороны такой интерес, значит, дело того стоит. А я серьезного ничего вспомнить пока не могу. Но я, товарищ полковник, постараюсь...

— Фамилия Хайдарбеков, значит, тебе ничего не говорит?

— Абсолютно.

— Ладно. Будем выяснять. Ты дождись гостя. У меня здесь и поговорите. Надеюсь, я не помешаю... Я на этого Хамзата Хайдарбекова отправил запрос в ГРУ. У нас с ФСБ все же картотеки разные. Может, что-то накопят, но сегодня выходной, и быстрого ответа ждать не приходится. Я, на всякий случай, позвоню, потороплю...

2

Во дворе стояло четыре машины, ни одна из них не носила милицейской символики, все были с цивильными белы-

ми, а не голубыми номерами. Впрочем, чуть в стороне стояла пятая, с черным армейским номером, но в этом УАЗике за рулем, как было видно издали, кто-то сидел, а ключи, как известно, водитель носит с собой. Следовательно, ментовский сержант не мог быть водителем этой машины. Но, имея в руках брелок автомобильной сигнализации, даже если очень постараться, ошибиться было трудно. Таймасхан издали проверять не стал, зная, что, обычно, после нажатия кнопки открывания центрального замка, дверь автоматически закрывается через тридцать секунд. Торопиться, чтобы за тридцать секунд преодолеть расстояние до стоянки, было ни к чему, потому что торопливый человек всегда привлекает к себе внимание. И он просто забросил за плечо спортивную сумку и, как и планировал, неторопливо, почти прогуливаясь, подошел к той самой стоянке. И там уже нажал одну из кнопок на брелке. Сигнализация «мяукнула», заодно «подмигнув» фарами, на черной, давно не мытой «Волге». Таймасхан забросил сумку на заднее сиденье, коротко и невозмутимо по сторонам посмотрел – не наблюдает ли кто за ним, убедился, что лишнего внимания не привлеч, и только после этого сел за руль и выехал со двора.

Конечно, хорошо покататься на чужой машине в свое удовольствие и не думать о том, как скажется разбитая дорога на традиционно слабой, как у всех российских машин, за исключением УАЗика, автомобильной подвеске. Иногда приятно бывает на скорости проскочить по всем выбоинам. Но

«Волга», на удивление, прошла по разбитой дороге достаточно плавно и тряслась не сильнее трактора. Колеса, как ни странно, не начали «рыскать», машину даже не швыряло из стороны в сторону, как это бывает с хорошими и дорогими иномарками. Видимо, «Волга» все же делается специально для российских дорог, осилить которые знаменитым автомобильным брендам без ущерба для себя бывает не по силам. Но долго баловаться, не имея на руках доверенности на машину, тоже не стоило. Это привлекало внимание посторонних. Конечно, три пистолета с патронами, досланными в патронник, два из которых спрятаны на спине за пояс, а один уложен в карман так, что достать его можно без проблем, делают любой возможный конфликт с «гиббонами»⁵ опасным исключительно для последних. Тем не менее, лишний раз светиться не хотелось, и вообще, у Таймасхана в глубине души жила надежда, что побитые и лишь слегка изуродованные менты, оставленные «отдыхать» в съемной квартире, постараются это дело по возможности замять, поскольку находились они явно не на службе. Вернее, не на государственной службе. А если полностью замять не удастся, то хотя бы спустить на тормозах, не заостряя вопрос на личности главного виновника, чтобы все дело не выплыло наружу. Осложнялся вопрос изъятым оружием и угнанной машиной, но если она будет не до конца разбита, половина проблем отпадет, а пистолеты менты смогут себе вернуть, если сам Таймасхан это-

⁵ «Гиббоны» – сотрудники ГИБДД.

го захочет и найдет возможность сообщить пострадавшим, а это было возможным вариантом. Вопрос стоял в том, как сообщить о желании вернуть оружие, и кому сообщить. Жалко, не посмотрел документы у побитых уродов. Надо было бы узнать хотя бы фамилию Алексея, чтобы потом отыскать. Но и этот вопрос решить будет возможно. Все возможно, если постараться. Хотя бы с тех же трубок набрать последние номера и через абонентов отыскать пострадавших. Это просто. А попадать в розыск здесь, куда так стремился, в планы Таймасхана не входило. Слишком многое в этом городе предстоит сделать, и слишком долго он ждал этого момента. Семь лет ждал. Семь лет собирал сведения из всех возможных источников.

Тем не менее, даже после этих мыслей беречь машину и притормаживать на ухабинах Таймасхан не стал. Зачем притормаживать, если ему нравится так ездить. Вот только в больших лужах, вытекающих из сугробов и заливших улицы, он сбрасывал скорость. Разливать лужи по тротуару, где идут прохожие, – это пижонство, а пижонство Таймасхан всегда презирал в других, а потому не позволял такого себе. Так еще отец учил, а отцовские уроки сейчас, когда многое о нем напоминает, хотелось помнить. И потому Таймасхан поехал медленнее и аккуратнее...

Половину большущего по чеченским меркам города он миновал благополучно, проехав дважды мимо машин с надписью «ДПС» на капоте, ни разу не удостоившись внимания.

И, попетляв между какими-то складами и производственными территориями, въехал в квартал частного сектора, где дороги были такие, что в некоторых местах между сугробами двум автомобилям разъехаться было проблематично, поскольку ледяная колея не выпускала колеса из своих объятий и не давала возможности свернуть вправо, и остановился на одной из улиц.

Номер Хамзата он набирал со своей трубки, потому что ментовские лежали в сумке.

Хамзат ответил сразу. Его трубка определила номер звонившего.

– Здравствуй, Таймасхан. Я как раз хотел тебе позвонить. Боялся, ты еще спишь...

– Здравствуй, Хамзат. Меня разбудили менты, что пришли за тобой...

– Менты за мной? – удивился Хамзат. – Какие менты? По какому поводу?

– Мне пришлось оставить квартиру. И ментов там же. Но они живы. Я не захотел слишком больших осложнений. Я сейчас на их машине. Отгоню ее подальше в сторону и подойду к тебе. У тебя все спокойно?

– Конечно. У меня всегда спокойно...

– И хорошо... Жди...

Относительно того, что все вокруг его дома спокойно, Хамзат сообщить явно поторопился, предварительно не проверив. Хорошо, что сам Таймасхан имел такую привычку, привитую ему первоначально отцом, а потом тем же самым Хамзатом – проверять все самому. Да и то, поскольку он слишком привык Хамзату доверять, мысль о проверке пришла лишь в последний момент, когда думал, куда поставить машину, чтобы ее нашли быстрее и чтобы менты не принимали слишком резвых шагов по поиску угонщика. А ставить машину следовало так, чтобы не возникло мысли об этом квартале. Впрочем, можно было прямо под окнами Хамзата поставить. Тогда вообще будет безопасно. Какой дурак подумает, что угнанную машину кто-то может под своими окнами поставить... Впрочем, менты могут... Поэтому безопаснее было поставить просто за соседним углом, около магазина. Там на машину и внимания больше обратят, и ментам сообщат, если раньше не растащат на запчасти. Но это уже будет не беда Таймасхана, а беда ментовская. Пусть хоть в этом почувствуют себя на одном уровне с простыми людьми, от чего они уже давно отвыкли...

С таким намерением Таймасхан и решил проехать мимо дома Хамзата. Но сразу обратил внимание на старенькую и основательно помятую «БМВ» пятой модели, что стояла в

квартале от самого дома и контролировала перекресток. Что в машине сидят двое чеченцев, Таймасхан уверен не был. Просто двое парней – кавказцев. Но, после утренних событий, это тоже насторожило. Тем более, машина стояла очень удобно для контроля сразу четырех направлений. Но, чтобы удостовериться в своих подозрениях, следовало проехать мимо дома Хамзата до следующего перекрестка. Если стоящая «БМВ» – это пост, значит, будет пост и на втором перекрестке. Если на втором перекрестке поста нет, значит, и здесь машина случайная. Он проехал, лишь мельком взглянув на давно не мытые окна интересующего его дома. На окнах были занавески, а что было за занавесками – неизвестно. Но внешне дом и двор выглядели спокойно. Это ощущение, впрочем, не заставило Таймасхана отменить первоначальные намерения проверить второй перекресток, и он проехал дальше. И убедился, что не зря проявлял осторожность. На этом перекрестке стояла не уступающая «БМВ» возрастом и потасканным внешним видом «Ауди» сотой модели. При виде машины и пары ее пассажиров левая рука непроизвольно метнулась было за спину, чтобы вытащить пистолет, но Хамзат не был готов к неприятностям, потому Таймасхан удержался и проехал мимо. Миновав еще квартал, он свернул за угол, там остановился и снова позвонил Хамзату.

– Судя по твоему звонку, у нас неприятности... – сразу сориентировался Хамзат.

– Направо пойдешь – тебя «БМВ» встретит. Налево пой-

дешь – «Ауди» дожидается... Я предполагаю, что это люди Далгата. Ты что-то с ними не поделил?

– Я позавчера не застал Далгата дома. А вчера так и не собрался зайти. Я думаю, его попросили «выдавить» нас из города, и так выдавить, чтобы мы оказались в розыске. В принципе, это не слишком сложно, хотя и слишком нагло...

– Гилани?

– Он самый. Не сумел договориться, ищет варианты, чтобы заставить тебя работать. И при этом полностью подставляет Далгата. Гилани не может не понимать, чем это для Далгата кончится. Хотя я допускаю мысль, что он пытается так заставить нас выполнить бесплатно и эту работу. Гилани жадноват.

– Я ведь и обидеться могу. На самого Гилани...

– Он не из трусливых. И, по глупости, считает себя неуязвимым.

– Неуязвимых людей не бывает.

– Я это знаю лучше других.

– Ладно. Это еще обсудим позже. Надо сейчас что-то решать. Что делать думаешь?

– Сначала с тобой поговорить. Что там за менты к тебе приходили?

– Я думаю, тоже от Далгата. Тебя отследили, когда ты ко мне приходил. Меня хотели куда-то отвезти. К Далгату, наверное. А мне это не понравилось.

– Значит, Далгат начал войну?

– Я предполагаю... Он послал этих ментов, заранее зная, чем дело закончится, но не предупредил их, и они вели себя со мной, как с подвальным бомжом. Не опасались совершенно... Может, это была разведка боем, не знаю...

– И те парни, что сидят в машинах, как я теперь понимаю, наши противники?

– Я думаю, что это так...

– Ты в какой стороне?

– Я проехал мимо «Ауди» квартал и свернул налево.

– Разворачивайся... Я сейчас соберу все, что следует унести, выхожу и двигаюсь в твою сторону. Перед выходом тебе позвоню. Ты медленно едешь навстречу. Если парни из машины выйдут, они твои. Если не выйдут – мои... В любом случае сразу стоит поставить Далгата на место, чтобы язык в задницу себе засунул. А то он чувствует себя в этом городе хозяином.

– Они должны выйти...

– Вовсе необязательно. Я для них – пустое место. Они хотят меня отследить до встречи с тобой. И постараются захватить обоих. А мне этого не хочется. Все... Жди звонка...

Хамзат всегда отличался таким хладнокровием, которому даже хладнокровный Таймасхан завидовал. Он и здесь это хладнокровие проявит, в этом Таймасхан был уверен. И потому, развернувшись, остановил «Волгу» перед перекрестком. И стал ждать звонка. Ждать пришлось около десяти минут. Должно быть, Хамзат решил больше не возвращаться в

этот дом и сейчас подчищает все следы. В каждом городе, где им приходилось останавливаться для работы, Хамзат обязательно имел резервный вариант. Наверное, и сейчас о запасном пристанище он позаботился.

Сам Таймасхан с сожалением подумал, что не сообразил вовремя и не вытер в доме хотя бы свои отпечатки пальцев. А надо бы было это сделать, потому что покалеченные уроды непредсказуемы и могут надумать следствие учинить. А его «пальчики» значатся в картотеках многих городов не только России. Но сейчас исправлять что-то уже поздно.

Хамзат позвонил и сказал коротко, по-деловому, как приказ отдал:

– Я пошел. Сосчитай до пятнадцати и медленно поезжай в мою сторону. Если что-то случится, смотри по обстоятельствам, газу добавить всегда сможешь.

По большому счету, Хамзат в самом деле командовал, и Таймасхан ему подчинялся даже без внутреннего сопротивления, потому что приказы всегда были правильными и точно соответствовали ситуации. Точно так же он подчинялся когда-то отцу. В какой-то мере Хамзат, хотя и не был Таймасхану даже отдаленным родственником, стал для него продолжением отца, не заменой, потому что отца заменить невозможно, а именно продолжением. Они оба остались в этом мире одинокими, лишенными дома и отечества, в котором их ждали только преследования, и это одиночество сближало их. Вернуться домой оба хотели, но не могли, по-

тому что люди, когда-то предавшие их общее дело, теперь находились во власти и старательно мстили тем, кто предателями не стал. Эти люди предали общее дело еще раньше, когда воевали против федералов, но уже превратили идеалы в средство личной наживы. Потому им так легко и удалось найти общий язык с новой властью. Гарсиев-старший никогда с такими людьми находить общий язык не умел. И люди, воевавшие вместе с Джамбулатом, тоже делать этого не умели. К тому же, может быть, Хамзат дал Таймасхану даже больше, чем сумел в свое время дать отец. Отец научил сына воевать, но не имел возможности научить его как вести себя в гражданской жизни. Хамзат имел два высших образования, в том числе и педагогическое.

– Понял. До встречи...

С той точки, где стояла «Волга», дом Хамзата не просматривался, и даже «Ауди» за сугробами видно не было. Но из «Ауди» так же не было видно «Волгу». Вообще, сталкиваясь с подобными ситуациями вдалеке от родных гор, Таймасхан давно уже убедился, что чеченские парни, взявшие в руки оружие только *здесь*, совершенно напрасно считают себя ровней тем, кто *там* повоевал. Одна только национальность не делает из человека воина. Воин должен уметь воевать. А это умение приобретается с опытом. И сейчас те, кто сидит там в «Ауди», никак не предполагают, что их жизнь уже, можно сказать, подходит к завершающему этапу. Они не чувствуют этого. А в боевых действиях ситуацию следует

непременно *чувствовать*. Таймасхан из двадцати двух лет жизни тринадцать провел в боевой обстановке. И *чувствовать* ситуацию научился...

Досчитав до пятнадцати, как и просил Хамзат, Таймасхан включил двигатель и неторопливо двинулся в поворот и дальше. Теперь «Ауди» уже попала в поле зрения, но не было видно тропу, по которой должен был идти Хамзат. Впрочем, когда Хамзат пойдет, над сугробом, наверное, будет видно его голову. А парням из «Ауди» всю тропу видно, они ориентируются. Глядя на них, должен сориентироваться и Таймасхан.

Он ехал, едва-едва касаясь подошвой педали «газа». Медленное передвижение машины было вполне оправданным. Дорога состояла из сдвоенной колеи, залитой водой, и в такой колее всегда можно за что-то зацепиться днищем.

Голова Хамзата появилась там, где ожидал ее увидеть Таймасхан. Но еще раньше он обратил внимание на какое-то шевеление в «Ауди». Видно было плохо, но показалось, что один из наблюдателей, тот, что сидел за рулем, звонит по «мобильнику». Естественным было предположить, что звонит он на пост, что стоит на соседнем перекрестке, парням в «БМВ». Ну, тем хуже для тех парней... Они предупреждены, значит, пожелают вмешаться. А это для них смертельно опасно. Без звонка можно было бы их просто оставить в стороне. Проехать мимо, как проезжал Таймасхан раньше, Хамзат при этом пригнется, все пройдет спокойно. Теперь

спокойно не пройдет...

Таймасхан приготовил пистолет, переложив его из кармана себе на колени. Плохо, что в «Волге» нет электрических стеклоподъемников. А дырявить стекла пока не хотелось. И потому пришлось отстегнуть ремень безопасности и протянуться до дверцы переднего пассажирского сиденья, чтобы опустить стекло. Хорошо еще, что езда на такой скорости позволяет отвлекаться. Потом и второе стекло заняло нижнее положение. И ничего странного в этом нет – погода хорошая, а водителю душно. Хочет воздухом подышать...

К «Ауди» угроза приближалась одновременно с двух сторон, хотя люди в машине этого не чувствовали. Первым приблизиться должен был Хамзат. И он занимал все внимание наблюдателей, которые вообще никакой реакции на появление «Волги» не проявили. Но и машину, чтобы выйти Хамзату навстречу, не покинули. И потому Таймасхан опять не давил на «газ», предоставив своему старшему товарищу возможность действовать самостоятельно. Он наблюдал за ситуацией, не зная, что Хамзат задумал. А тот, сразу к «Ауди» направился, чем наблюдателей, кажется, сильно смутил. Но подошел так, чтобы разговаривать через заднюю дверцу. При этом на заднем сиденье никто не сидел, и оба наблюдателя вынуждены были повернуться в неудобную позу, чтобы опустить стекло. Хорошо еще, что в «Ауди» стеклоподъемники электрические. Хамзат что-то спрашивал. Ему отвечали. Он согласно кивал. Потом торопливо двинулся через пере-

кресток навстречу «Волге». Но, едва миновав перекресток, стремительно прыгнул за сугроб, заставив и Таймасхана притормозить. И тут же в «Ауди» грохнул взрыв. Машина, вернее, то, что от нее осталось после взрыва, загорелась. А сам Хамзат уже выскочил на дорогу, и «Волга» в три секунды преодолела остаток пути до него.

– Навестим вторую машину, – едва усевшись, сказал Хамзат. – Они ждут – не дождутся возможности с нами пообщаться. Твоя очередь общаться...

Таймасхан поехал быстрее, хотя откровенно гнать после взрыва – означало навлечь на себя подозрения. В «БМВ» взрыв не видели, хотя наверняка слышали. Но дорога была слишком узкой, чтобы на ней разъехаться, и «БМВ» ждала на перекрестке, когда проедет «Волга», чтобы двинуться в обратном ей направлении. Таймасхан взял в руки пистолет. Перед перекрестком он добавил скорости и стрелять начал с левой руки до того, как машины поравнялись, через лобовое стекло. Только два выстрела, и оба точно в голову. И, скорости не снизив, проехал мимо. А уже за перекрестком добавил газу, хотя тоже не стал гнать.

– Для начала с Далгата хватит, – сказал Таймасхан. – Потом позвоним ему и поговорим – чего он добивается и хочет ли продолжать войну. Это тоже важный вопрос. Если хочет, придется его уничтожить. Сейчас куда?

– На выезд из города. Но выезжать не будем. Перед «гиббоновским» постом направо...

Кажется, ни Хамзат, ни Таймасхан даже возбуждения от маленькой победы не испытывали. Для них это было привычным и проходным эпизодом, даже обсуждать его интереса не было.

Будни... А праздники еще впереди...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Подполковник Судоплатов дожидался встречи с представителем ФСБ в своем небольшом кабинете, где кроме него обычно сидели еще три офицера отдела, но сейчас, по причине воскресного дня, оба они на службе отсутствовали, а потому никто не мешал Андрею Вячеславовичу сосредоточиться на воспоминаниях. Но сколько он не тормозил свою, в общем-то, отличную память, Хамзата Хайдарбекова вспомнить не смог. Из тех трех Хамзатов, которых подполковник знал, он вспомнил фамилию только одного, умершего, а фамилии двух других даже и не знал никогда. По крайней мере, память ничего не подсказала.

Но одни воспоминания, как это обычно бывает, повлекли за собой другие, и в первую очередь вспомнилась последняя командировка, которую удачной назвать нельзя, потому что во время уничтожения банды полевого командира Джамбулата Гарсиева рота понесла потери. И хотя благодаря уничтожению банды операция признана успешной, сам, тогда еще капитан, Судоплатов чувствовал себя совсем не на коне, хотя его и повысили в звании, и перевели на более высокую должность в штабе бригады. Тогда, уже на завершающем этапе

операции, двое из бандитов сумели прорваться, причем один обладал удивительной способностью стрелять из пистолетов, из двух сразу, быстро и точно. К сожалению, пленных, кроме самого раненого эмира, который давать показания отказывался категорично, в тот раз захвачено не было, поэтому никто не мог назвать списочный состав банды, и фамилии беглецов остались неизвестными. Джамбулат Гарсиев не называл даже фамилии тех, кто был убит. Дело еще осложнялось тем, что эта банда формировалась не по принципу привязанности к одному общему месту жительства или родства, как это часто бывает, а только по личностным отношениям эмира с другими людьми. Но поиск застопорило и само прекращение существования банды. Эмира осудили, посадили, на этом дело посчитали закрытым...

А сам Андрей Вячеславович после написания подробного рапорта, который был представлен на суде в качестве официального документа, никакого отношения к поиску уже не имел и, через три дня завершив командировку, больше в Чечню не попал ни разу. Тем не менее, и семь лет спустя горький осадок от гибели шестерых солдат оставался таким же горьким, и подполковник Судоплатов помнил почти каждое слово из писем, которые писал матерям погибших солдат капитан Судоплатов. Слишком трудно каждое слово давалось, чтобы забыть эти слова...

Воспоминания подполковника прервались звонком по прямому телефону из кабинета командира бригады.

– Подполковник Судоплатов. Слушаю, товарищ полковник...

– Прибыл майор из ФСБ. Его сейчас ко мне провожают. Заходи, пообщаемся со смежниками... И ответ на запрос из Москвы пришел. Есть интересный след на твоего Хамзата Хайдарбекова. Он проходит по картотеке ГРУ.

– Иду, товарищ полковник...

Через минуту пришлось опять открывать обитую дверь и спрашивать разрешения войти. Майор ФСБ оказался низкорослым крепышом с суетливыми движениями, активной жестикуляцией и беспокойными глазами. Странно было ожидать от такого человека вдумчивых действий, но представителей чужого ведомства обсуждать – дело неблагодарное.

Познакомились – Владимир Анатольевич Соломатов, сотрудник особого отдела. Пожав руку подполковнику, он свои руки разбрасывал при каждом слове в стороны и делал это так быстро, что приходилось удивляться, как воздух не свистит от таких движений.

– Нам агентурные данные поступили, – с места в карьер взял майор. – Хамзат Хайдарбеков, отчество, к сожалению, неизвестно, наводит справки у служащих вашей бригады.

Начал он с поваров и официанток из офицерской столовой, потом переключился на кладовщиков, и здесь уже не только к служащим обращался, а и к отдельным прапорщикам, и старшим прапорщикам. Все вопросы касались непосредственно вашей, товарищ подполковник, персоны. При этом, понимая, что чеченец, наводящий справки, должен вызвать естественное подозрение, действовал Хамзат Хайдарбеков не самостоятельно, а через подставных лиц, для каждого из которых была придумана соответствующая личности человека и его характеру легенда, но вопросы, опять же, касались только вас. Путем оперативных мероприятий мы сумели установить, что ответы стекались к Хайдарбекову, но вот выйти на него самого нам пока не удалось. Он проявил профессиональную осторожность – давал людям задания, эти задания оплачивал и деньгами, и услугами, но связь после этого держал только по телефону, причем пользовался часто различными номерами. И ни разу не прокололся так, чтобы мы смогли выйти на него самого и выяснить, что это за личность и в чем состоит его интерес...

– Характер данных, которыми Хайдарбеков интересовался? – спросил полковник Барсук, перебивая рассказ майора.

– Самый разнообразный. Мы даже предполагаем, как вариант, собирание полного досье в попытке отыскать какой-то компромат с целью дальнейшего использования товарища подполковника в каких-то своих интересах. И от этой версии пока не отказались. Достаточно будет сказать, что вопросы

касались не только самого Андрея Вячеславовича, но и членов его семьи, жены и дочерей. И даже была предпринята попытка поиска каких-то давних служебных отношений жены, тогда еще работающей. Но и там Хайдарбеков был очень осторожен, а мы всюду шли только по его следу, но ни разу не смогли выйти на опережение.

– Служебных дел эти вопросы касались? – еще раз спросил полковник Барсук.

– Не касались совершенно.

– А вот теперь я попробую хотя бы слегка прояснить ситуацию, – сказал командир бригады, поворачиваясь и вытаскивая из сейфа лист принтерной распечатки. – У ГРУ, как вы знаете, собственная база данных, и по нашей базе Хамзат Акболатович Хайдарбеков проходит как участник вооруженных бандформирований. Участник первой и второй чеченских компаний, опытный боевик, был неразлучен с полевым командиром Джамбулатом Гарсиевым. Напомню товарищу майору, который не может быть в курсе событий, что банду Гарсиева семь лет назад уничтожила рота спецназа ГРУ под командованием тогда еще капитана Судоплатова. Был ли на момент уничтожения Хайдарбеков в банде, нам неизвестно. Сколько тогда у тебя человек ушло, Андрей Вячеславович?

– Двое, – сказал Судоплатов, который только что в подробностях вспоминал этот эпизод. – Один из них раненый. Прорвались сквозь нашу линию. У них там стрелок такой

был – одновременно с двух пистолетов стрелял, и очень точно. Шестерых наших солдат положил. Было организовано преследование, но они как сквозь землю провалились. Бежать могли вдоль реки до леса. Это километра два – два с половиной. Мы преследование организовали быстро, должны были догнать. Но они пропали... Реку переплыть возможным не представлялось – и вода ледяная, и течение такое, что... Берег мы обыскали полностью, до последнего камушка. Результата никакого...

– Тогда был захвачен раненым сам эмир Джамбулат Гарсиев, – продолжил Барсук. – Был суд... Сколько ему дали, Андрей Вячеславович?

– Этого я, товарищ полковник, просто не знаю. Я тогда вообще не хотел ничего об этой операции слышать. Шесть солдат потерял. Сам матерям письма писал, потом сам гробы отвозил и просил прощения, что не уберег. И про Гарсиева ничего не знаю...

– Если статья за терроризм, мог получить пожизненное, – заметил майор ФСБ.

– Едва ли, – пожал плечами Судоплатов. – Гарсиев только с армией воевал. Тогда за это терроризм не приписывали.

– Это необходимо будет уточнить, – согласился Владимир Анатольевич. – По крайней мере, это уже какая-то зацепка, и резонно предположить, что одним из двух бандитов, которых вы упустили, был именно Хайдарбеков. И, возможно, его активность как-то связана с эмиром Гарсиевым. Как его

там зовут? Джамбулат?

– Джамбулат Гарсиев, – напомнил Андрей Вячеславович. – Грамотный был командир. Воевал хорошо и держался долго. Но дать ему должны были много, потому что со следствием сотрудничать отказался и играл в молчанку. Он еще с нами замолчал. Потом мы его в ФСБ передали, он и там молчал. А дальше я уже ситуацию не знаю...

– Значит, майор, для тебя работа, – сказал полковник Барсук. – Мы запрос послать можем, только я не уверен, что нам ответят, а если и ответят, то неизвестно когда. Мы, как ни крути, только армия, и в судебные дела нам соваться не позволяют. Значит, ты все, что можно, по Гарсиеву собери, а мы в следующий раз обсудим. Боюсь, что здесь есть связь с Хайдарбековым, и прямая. А ты, Андрей Вячеславович, пока осторожность прояви повышенную. И семью предупреди... Семья у тебя на даче?

– Нет, в городе. Дочери учатся. Студентки... Жена присматривает за ними.

– Съездишь сегодня?

– Конечно.

– Завтра можешь до обеда дома находиться. Присмотришь, что там за обстановка. Может, соседи что видели... У нас сейчас ко всем кавказцам отношение настороженное. Их сразу замечают... Порасспрашивай...

– Хайдарбеков сам не суется. Он через посредников работает, – напомнил Владимир Анатольевич. – Кроме того, зав-

тра к утру у меня наверняка уже будут сведения по Гарсиеву.
– Из города приехать не долго, – решил командир бригады. – За сорок минут доберется... Значит, на сегодня все...

* * *

Место, куда приехали Таймасхан с Хамзатом, было тоже на окраине города и совсем неподалеку от прежнего района, хотя добираться туда следовало в объезд, но внешним видом своим существенно отличалось от того района, где прежде жил Хамзат. Здесь еще оставались старенькие полуразвалившиеся дома частного сектора, но, в основном, стояли крупные коттеджи за высокими кирпичными заборами.

– Направо. Около ворот остановись, – скомандовал Хайдарбеков. – Заезжать не будем...

Таймасхан повернул и остановился. Ворота были металлические, увесистые, крашенные в тон красному кирпичу.

Хамзат сам протянул руку и нажал на сигнал. Ждать пришлось недолго. Скоро распахнулась металлическая калитка в заборе, и вышел человек, посмотрел на машину и на тех, кто в ней сидел, остановился и сделал знак рукой, что сейчас откроет ворота. Хамзат отрицательно покачал головой и сам вышел к человеку. Разговаривали всего пару минут, после чего человек ушел, а Хамзат вернулся к машине, но садиться не стал.

– Машину отгони куда-нибудь на трассу. Возвращайся

пешком. Я вещи заберу...

Он взял свою сумку и сумку Таймасхана, захлопнул дверцу. Таймасхан не стал дожидаться, когда Хамзат зайдет в калитку, и поехал. Машину он оставил незакрытой, не доезжая ста метров до поста ГИБДД под знаком «остановка запрещена». Дорога оживленная, здесь ее быстро найдут. И пешком, привычно сразу осматривая окрестности на случай непредвиденных обстоятельств, неторопливо двинулся к коттеджному поселку...

– Проходи...

– Хозяин где? – спросил Таймасхан.

– Это не хозяин, – сказал Хамзат. – Это – охранник, зовут его просто Василич. Хозяин на Кипре живет. Сюда раз в год приезжает, когда на Средиземноморье слишком жарко.

– Василич – наш человек?

– Нет. Лишнего при нем не болтать. Он просто наш временный союзник, не больше. Это бывший ментовский подполковник, которого погнали со службы, потому что начальству мешал крупные дела делать. Он все статьи пишет и со всеми судится, многим насолил, и многие мечтают до него добраться. А он тоже мечтает многих на «зоне» сгноить. Его взорвать пытались. Мину под дверь квартиры положили. Жена с дочерью погибли. А его дома не было. Сейчас он спрятался, очень зол на всех... Мы с ним, если понадобится, найдем общий язык, но это может и не потребоваться. А сейчас нам нужно только тихое место, где можно отсидеться,

пока я новое жилье не подыщу. Кстати, Василич может дать доверенность на свою машину. Это, если нам срочно транспорт понадобится. Сам предложил...

Дом оказался большим и очень холодным. Впечатление было такое, что здесь всю зиму не топили. Но Хамзат уверенно провел Таймасхана через весь дом в одно из крыльев первого этажа, там уже температура была вполне нормальной. Охранника Василича, бывшего ментовского подполковника, нигде видно не было. Он, видимо, не хотел докучать своим постояльцам. Тем не менее, присутствие в доме постороннего человека, пусть и приютившего их, Таймасхана сильно смущало.

– А когда ты жилье подыщешь? – поинтересовался Таймасхан.

– Мне уже ищут. Я позвонил...

Таймасхан всегда удивлялся таланту Хамзата отыскивать множество полезных связей в каждом городе, где им приходилось бывать. В абсолютно незнакомом городе у него через несколько дней оказывалась куча знакомых, готовых оказывать ему мелкие услуги. А порой даже и не мелкие. Сам Таймасхан таким талантом не обладал. Даже напротив, он обладал «талантом» завязывать конфликты, которые разрешал позже Хамзат. Но то, что дано человеку свыше, не обсуждается, а принимается и используется, что Хамзат и делал. Он даже сумел благодаря этому собрать немало сведений о подполковнике Судоплатове, бывшим когда-то капитаном Су-

доплатовым, и о его семье.

Но сейчас все эти данные остаются невостребованными – из-за назойливости то ли Далгата, то ли Гилани Гирмасолатовича. Кто-то из них старается сильно помешать Таймасхану. А, может, помешать стремятся оба, только один при этом командует, а второй выполняет команды. Таймасхан хорошо знал своих соотечественников. Они всегда стараются выяснить, кто из них обладает большей властью. Отношения самого Таймасхана с Хамзатом – редкое исключение, потому что оба они когда-то подчинялись одной власти – Гарсиева-старшего, и хотя они уже столько лет действовали самостоятельно, порой им казалось, словно Джамбулат или только на время уехал, или послал куда-то своего сына вместе с Хамзатом, а сам ждет их возвращения. Это ощущение все семь лет так и не покидало Таймасхана. Может быть, и Хамзата оно тоже не покидало. И это делало их близкими друзьями. А у Далгата и Гилани таких отношений быть не могло...

* * *

Микроавтобус быстро и рискованно вошел в поворот, продавив силой инерции рессоры внешней стороны и оттого слегка наклонившись, но тут же выровнялся и еще добавил скорость. Из-за поворота показалось лежащее впереди село, хотя до него еще следовало идти от дороги около трех километров пешком, потому что этот попутный микроавтобус

ехал дальше и в село заезжать не собирался.

Джамбулат Гарсиев приподнял голову, всматриваясь вдаль с болью и с надеждой. Там, в селе, наверное, можно будет что-то узнать, поскольку больше получить информацию ему негде. Обратиться в официальные инстанции нельзя, потому что такое обращение может привести к непредсказуемым последствиям.

Когда после последнего боя Джамбулата заставили осмотреть убитых, чтобы провести опознание, он осмотрел, так и не назвав ни одной фамилии. Просто в молчанку играл, словно бы не слышал настойчивых вопросов капитана, кажется, командира роты. Но смотрел он тогда не для спецназовцев, а для себя. И с удовлетворением убедился, что среди трупов нет тела сына и Хамзата. Значит, они и есть те двое, кто сумел прорваться, и погоня за кем результата, как уже слышал Джамбулат, не дала. Он так и не сказал, кто был убит в бою во время прорыва, кто ушел. Не сказал ни спецназовцам, ни следователям ФСБ, ни судье, когда тот задавал вопросы. Он вообще за все время следствия, может быть, обменялся со следователем десятком фраз, не более. И на суде несколько фраз сказал. Ему это, естественно, зачли... Но, поскольку доказательства по участию его джамаата в боевых операциях были в основном косвенными, а свидетельских показаний не было вообще, самое большее, что смогли ему дать, семь лет строгого режима. И все эти годы он отсидел от звонка до звонка. И даже в «зоне» за семь лет, когда иногда про-

сто невыносимо тянет с кем-нибудь пооткровенничать, никто так и не узнал, что сын его вместе с Хамзатом спасся в тот последний для их джамаата день. Даже вернувшись в Чечню, оформляя постановку на учет в городском управлении внутренних дел Грозного, не спросил ничего о сыне, хотя там могли бы быть какие-то сведения о нем или Хамзате. Спросить – значит, поставить их под удар, если они живы. А Джамбулат хотел найти их сам.

Накануне освобождения и уже после него, во время вынужденных встреч с ненавистным ментовским племенем, вчерашнему заключенному часто задавали один и тот же вопрос о раскаянии. Он честно молчал. Честно, потому что не желал обманывать и говорить, что раскаялся. Нет, раскаяния в душе не было. Было что-то другое. Была боль от того, что все так обернулось, что большая идея свободы и величия маленького народа была так безобразно испорчена теми, кто захватил власть в самопровозглашенной Ичкерии, что нынешняя власть, немногим лучше той, бандитской, иначе не разъезжались бы чеченцы по всей России, а оставались бы у себя в горах. И не было желания жить среди этих людей, жить там, где все это происходило и до сих пор вызывало чувство отчаяния. Но уехать куда-то можно было только после снятия с учета. Даже на поиски сына можно было отправиться, только предупредив органы надзора, как они назывались официально, что поедет искать родственников и, возможно, работу где-нибудь в сельском районе. О сыне он

опять не сказал ни слова...

– Здесь высадить? – спросил водитель, молодой парень, наверное, ровесник Таймасхана.

– У поворота, – уточнил Джамбулат.

– Родом, что ли, отсюда? Навестить едешь?

– Нет. Здесь меня когда-то в плен взяли, – мрачно ответил Джамбулат. – Я эмиром был. Почти всех в джамаате перебили, а меня, раненого, захватили...

Он знал, что говорил. После такого короткого откровения никто не будет докапываться и спрашивать то, о чем говорить не хочется. Это тема совсем не для всеобщего обсуждения.

Водитель переглянулся с пассажиром на переднем сиденье, но ничего не сказал. Только у поворота от нескольких плавных нажатий начали поскрипывать тормоза. Машина остановилась.

– Сколько я должен? – спросил Гарсиев.

– Ладно. Нам спасибо хватит, – заметил водитель.

– Спасибо, – сказал Джамбулат, открыл дверцу и вышел.

Микроавтобус двинулся дальше и сразу стал набирать скорость...

2

Двухлитровый двигатель для легкой «Мазды-3» подполковника Судоплатова был излишеством при традиционном

«качестве» российских дорог. Синий хатчбек разогнался до ста километров в час за девять с небольшим секунд, но этот разгон можно было себе позволить только при выезде из города-спутника, где стояла бригада спецназа ГРУ, а дальше, до самого областного центра, дорога была такая, что, образно говоря, городская скорость в шестьдесят километров в час была максимумом, что можно было себе позволить, да и то лишь на четверти пути. На остальных же участках приходилось, едва успев разогнаться до этой самой городской скорости, тормозить и осторожно объезжать выбоины, поскольку клиренс⁶ автомобиля тоже рассчитывался на другие дороги. А эту, хоть и ремонтировали регулярно, но ремонта хватало на неделю. И потому на путь, который должен был занять десять минут, уходило больше сорока.

На въезде в город, похоже, проводилось какое-то мероприятие. Дорогу перекрывали усиленные посты ГИБДД вместе с ОМОНОм. Но останавливали машины, город покидающие, из-за чего начала образовываться большая пробка. Радовало только то, что въехать можно было свободно. Увидев знакомого майора из ОМОНа, Андрей Вячеславович притормозил и опустил в машине стекло.

– «А город подумал: ученья идут...» – словами из старой песни поприветствовал подполковник омоновца.

– Здравствуй, – тот протянул руку. – Город уже и не знает, что думать, но, кажется, доволен... Народ считает, что это

⁶ Клиренс – расстояние от дороги до нижней части днища автомобиля.

явление нормальное и правильное, и должно повторяться с обязательной периодичностью.

– Как образцовый горожанин, согласен, – кивнул Андрей Вячеславович. – А что случилось?

– Ты не в курсе?

– Я не в курсе. Был на даче, потом в бригаду вызвали.

– Чечены друг друга бьют... Впрочем, и наших тоже слегка захватили. Ментов из горотдела.

– Всерьез?

– Куда уж серьезнее. Наших, правда, без выстрелов, голыми руками, но с конфискацией оружия и машины. Один человек – четверых ментов, как мальчиков... Сейчас трое из них в госпитале на операции. Один отделался легким испугом и выбитым зубом. Но, он сам говорит, что этот зуб неделю болел и шатался. Не жалко... Но чтобы один, четверых вооруженных... И так разделать...

– И правильно разделал. А потом что?

– А потом он же или еще кто-то, но, предположительно, он, взорвал «Ауди» с двумя чеченцами и расстрелял из пистолета еще двух чеченцев в «БМВ». Все в одном квартале. Оттого народ и ликует. Мало того, что ментов побили, так еще и чечены друг друга бьют. Как тут не радоваться!..

– А ты что не ликуешь?

– Так я же тоже мент!

– Ну и ладно. А я не мент, и потому – ликую. Данные какие-то на этого парня есть?

– Сейчас... – майор полез в карман разгрузки, вытащил листок бумаги, развернул.

– Таймасхан Джамбулатович Гарсиев, двадцать два года. Работал тренером в элитном спортивном клубе. Карате киоку-синкай... По картотеке МВД пока не проходил. Отпечатки его сняли, у нас не наследил, послали на всякий случай на всероссийскую идентификацию. Но воскресенье же... Когда раскачаются...

Подполковник Судоплатов никак не показал своего отношения к услышанной фамилии и отчеству боевого чеченца. Только взглядом помрачнел.

– Ладно, лови бандитов и ментов. То есть... Короче, всех преступников... Я поехал...

Майор прощально поднял руку, подполковник поднял стекло, и на этом они разъехались. Но на следующем перекрестке Андрей Вячеславович повернул направо и сразу за поворотом остановился. С мобильного набрал номер командира бригады. Тот оказался еще в кабинете.

– Товарищ полковник, подполковник Судоплатов...

– Что-то случилось?

– Я уже в городе. Здесь – случилось...

– Семья?

– Я до дома еще не доехал. Но жене я звонил перед выездом, дома все в порядке. А вот в городе...

– Рассказывай.

Судоплатов коротко передал все, что услышал от майора

ОМОНа.

– Думаешь, это может иметь отношение к нашим вопросам?

– Не сомневаюсь. Разыскиваемого двадцатидвухлетнего чеченца зовут Таймасхан Джамбулатович Гарсиев...

– Сын?

– Я так полагаю. И странно было бы услышать, что человек из банды Гарсиева и сын Гарсиева, появившись в нашем городе, не с одной целью приехали сюда. Хотя всякое может быть. Но я попросил бы вас еще и этого парня по нашей картотеке проверить. Наши быстрее других работают...

– Добро. Я прикажу отправить запрос. Если будет ответ, тебе позвонят даже ночью. Держи трубку под рукой. Я еще и майора Соломатова предупрежу. Пусть по своим каналам запрос пошлет.

– Спасибо, товарищ полковник. Чувствую, тучи начинают сгущаться...

– Оружие у тебя при себе?

– Я сам – оружие, но и пистолет под рукой тоже...

– Будь осторожнее. И обстановку вокруг дома разведай. Я сейчас с начальником штаба твою ситуацию обсуждал. Он предлагает выделить для охраны твоей семьи несколько офицеров. Отдельно – квартиру, отдельно – дочерей... Все негласно, чтобы и они не знали, и даже ФСБ не знала. Для офицеров это будет боевой подготовкой – твой, кстати сказать, профиль. Да и защита надежная...

– Спасибо, товарищ полковник. Не буду отказываться, но следует предварительно знать, с кем мы встретились. Хотя превентивные меры – они и есть превентивные, с опозданием они будут мерами бесполезными...

– И я про то же... Я отдам приказ начальнику штаба. Пусть готовит людей... Если успеет – к сегодняшнему вечеру. Не успеет, так хотя бы к утру. Мы остановились на девяти человеках. Как думаешь, этого хватит?

– Больше – будет заметно, – согласился Андрей Вячеславович.

* * *

Джамбулат забросил за плечо ремень своей нетяжелой сумки, вздохнул перед трудным делом, которое ему предстояло, и двинулся по дороге к селу. Шел он неестественно прямо, испытывая при этом странные ощущения. Показалось, что возвращается боль в спине. Тогда, еще до суда, но во время следствия, его держали в лазарете СИЗО, где следователь ФСБ проводил первичные допросы прямо в палате. Впрочем, допросами это можно было назвать лишь с натяжкой, поскольку сам Джамбулат, слушая вопросы, предпочитал на них не отвечать, а несколько раз даже не имитировал засыпание, засыпая по-настоящему под монотонные слова следователя. А следователь бороться с таким отношением к себе не мог, поскольку уже интересовался у лечащего врача, ка-

кие уколы делают арестованному. А уколы были обезболивающие и успокаивающие, потому засыпание было естественным явлением. Это срывало все планы следователя, который собирался многое выяснить до того, как в лазарет заявится назначенный адвокат. Впрочем, адвокат едва ли пожелал бы как-то помешать следователю и помочь своему подзащитному.

Низложенному эмиру накануне сделали сразу две операции – извлекли пулю из руки и из груди, вторая операция была достаточно сложной из-за сильного внутреннего кровотечения, потом, уже через несколько дней, не церемонясь и не дав окрепнуть, несколько раз возили на снимки позвоночника. Делали снимки, смотрели, совещались, стоит ли оперировать сам позвоночник, но делать этого, слава Аллаху, не стали, хотя лечение проводили интенсивное и мучительное. Кстати сказать, практически бесполезное, доставившее удовольствие только самим садистам врачам, поскольку после него боли не ушли, спина постоянно болела еще около двух лет, и еще несколько раз Джамбулат ложился в лазарет в самой «зоне». Не для того, чтобы вылечиться, потому что врачам не верил и был уверен в том, что все они просто дурят больных, зарабатывая себе на хлеб с маслом, а помочь не могут. Не умеют помочь... Но через два года организм с болезнью все-таки справился. В значительной степени помог массаж. Массажиста-«шестерку» из другого отряда ему выделил смотрящий «зоны», пусть и русский человек, но с ува-

жением отнесшийся к бывшему известному эмиру. Массажист приходил каждый вечер и целый час «работал» со спиной Джамбулата, заставляя порой того не стонать, а рычать от боли нестерпимой. После этого лет пять спина не беспокоила.

Но сейчас, рядом с этим селом, показалось, что позвоночник опять, как семь лет назад, чувствует себя неуверенно. Джамбулат понимал, что это, скорее всего, так называемые фантомные боли, которые не могут быть серьезными и опасными. Так у человека, бывает, болит ампутированная нога.

Только на подступах к самому селу, уже проверив центральную улицу, на которую его выводила внешняя дорога, Джамбулат понял, почему идет так неестественно прямо. Это происходило, помимо его разума, на каком-то глубоком подсознательном уровне. Подсознательно он хотел, чтобы его узнали жители села, те, кто видел его раньше, когда он еще был эмиром. Они видели его именно таким – прямым. Но, конечно, за семь лет многое изменилось. И образ эмира, которого местные жители видели всего несколько раз, тоже должен был бы раствориться, как какое-то неприятное воспоминание. Ведь они, его одноплеменники, за которых он воевал, за которых погиб его джамаат, не поднялись все на защиту своих лучших сынов, отсиживаясь по домам и ожидая, когда закончится неравный бой. Конечно, они и не могли тогда как-то повлиять на события, слишком большими силами вошли спецназовцы в село. Но как хотелось верить,

что все могло бы быть по-другому. Верить в то, чего не было и не могло быть в действительности.

Впрочем, в действительности такие случаи бывали в первую войну, в самом ее начале, когда люди еще не разочаровались в тех, кто власть захватил. Тогда, помнится, много случаев было, когда женщины вместе с детьми и стариками шли, не сомневаясь, прямо на танки и останавливали армию своей волей и бесстрашием, всегда присущими чеченскому народу. Тогда у всех были надежды и идеалы. Но они были цинично растоптаны. А на смену идеалам пришли усталость и равнодушие.

Он входил в село и понимал, что его заметили издали, потому что на улице было слишком много людей, желающих узнать, кто это такой вышел из микроавтобуса и идет к их домам. Его, конечно, не узнали, но люди, в основном, женщины, стояли на тротуарах у своих и чужих калиток небольшими группами, тихо перешептывались, здоровались в ответ на его приветствия, однако ничего не спрашивали. Время такое, что в каждой семье, наверное, есть, кого ждать, и люди ждут постоянно, что кто-то вернется. Даже если человек погиб официально, его все равно ждут, потому что уже много случаев было, когда возвращались те, по ком плакать устали. И люди смотрели на Джамбулата, гадая, кто он такой, и в чей дом направляется, и радость он несет или горе...

Джамбулат, как решил еще раньше, шел к дому Ризвана Саадуева, местного старейшины, надеясь, что тот жив еще.

Он бывал в его доме семь лет назад, тогда его встретили уважительно, и он сам уважительно отнесся к дедушке Ризвану...

* * *

Хамзат принес два армейских котелка с какой-то кашей. Он сам, как и Таймасхан, был совершенно неприхотлив в еде. Главное, чтобы в пище не было свинины. После еды, когда, отставив котелки, Хамзат вытянул для отдыха ноги, Таймасхан спросил:

– С Далгатом договариваться будем?

– Надо хотя бы выяснить, что он затеял. Я знаю, как его поставить на место. Может быть, даже получится сделать из противника союзника. Хотя и не уверен, что ненадежный союзник нам нужен. Сами справимся... Он нужен был только тогда, когда мы здесь устраивались. Но и в этом случае он предпочел сделать гадость.

Таймасхан согласно кивнул.

– Союзник нам здесь и не и нужен. А Далгат сразу слишком круто на меня двинулся. Я бы тоже хотел сказать ему пару слов. Может быть, съездим?

– Лучше сначала позвонить.

– По телефону говорить с ним не буду. Это со стороны будет выглядеть так, что я его пугаю. Я никогда и никого не пугаю. Если мне необходимо, я решаю вопрос сразу.

– Чтобы решить его сразу, надо хотя бы вечера дожждаться. В темноте проще добраться до его дома. И в сам дом войти. Он живет, кстати, неподалеку. Можно пешком дойти...

– Тогда вечером и сходим.

– Но я сначала все же позвоню. Может быть, и не придется действовать кардинально. Хотя Далгат не горец, верить ему трудно⁷. Может пожалть руку и выстрелить в спину...

– Тогда, может, и договариваться не стоит?

– Попробовать следует... Я прочувствую ситуацию. Но, в любом случае, осторожность соблюдать надо. Это я всегда помню.

– Звони, – согласился Таймасхан.

Хамзат вытащил из кармана простенькую трубку, набрал по памяти номер. Долго ждал. Наконец, ответили.

– Я хотел бы с Далгатом поговорить, – сказал Хамзат почеченски.

– А кто спрашивает?

– Меня зовут Хамзат. Хамзат Хайдарбеков. Он знает меня...

– Он уехал по делам. Не сказал, когда вернется. Попробуйте позже позвонить. Может, даже вечером. Только не слишком поздно. После десяти я телефон отключаю.

– А как ему позвонить на мобильник? Не подскажете?

⁷ Жители Чечни традиционно делятся на горцев – ичкерийцев и чеченцев – жителей долин. Горцы всегда считались бедными воинами и абреками, жители долин предпочитали войне земледелие и торговлю.

– Я не знаю номер...

Это был откровенный обман, понял Хамзат. Не бывает такого, чтобы жена не знала номер мобильного мужа, потому что всегда возникают ситуации, когда ей требуется что-то спросить или что-то передать.

– До свидания. Я позвоню попозже...

Хамзат убрал трубку. Таймасхан разговор слышал почти весь, потому что громкость была включена на полную мощность. Но Таймасхан протянул руку и достал из своей сумки мобильник с сенсорным экраном, принадлежащий Алексею, менту в штатском. Понажимал для ознакомления экранные кнопки, потом передал трубку Хамзату.

– Последний звонок... Номер и имя, кстати, есть в списке контактов... Это трубка главного из тех ментов, кто тебя утром искал в моей квартире...

– Богато менты живут, – усмехнулся Хамзат, рассматривая трубку. – Такая тысяча тридцать стоит...

– Далгат им хорошо платит. И еще кто-то платит. Такова жизнь ментовская...

– Будь я крутым консультантом в уголовном мире, то серьезным парням рекомендовал бы ментов грабить. Всегда есть, чем поживиться...

Хамзат нажал кнопку вызова.

– Да, Алексей, слушаю тебя, – почти сразу ответил Далгат.

– Это не Алексей, – спокойно прозвучало в ответ. – Это Хамзат...

Далгат явно испытал не самые приятные минуты, потому что долго молчал.

– Ты мне ничего сказать не желаешь? – спросил Хамзат.

– О чем мне с тобой говорить, если ты объявил мне войну, – Далгат разыгрывал возмущение, но голос его показывал что-то близкое к смущению.

– Если бы мы объявили тебе войну, тебя уже сегодня хоронили бы⁸. . . Это ты по глупости попытался объявить войну нам. Но я думаю, что ты просто послушал дурного совета человека, который желает тебе зла, и сейчас уже сожалешь о содеянном.

– О каком человеке ты говоришь?

– Я говорю об этом пройдохе Гилани. Хотя для тебя он, наверное, Гилани Гирмасолатович. Он любит, помнится, чтобы его называли так.

– Ты хорошо знаешь его?

– К сожалению, я слишком хорошо знаю этого скрягу. И знаю методы, которыми он пользуется, когда не желает платить. Ты чем-то помешал ему, и он решил тебя убрать. И потому натравил на нас, зная, чем это для тебя кончится. Подумай, где ты мог перебежать ему дорогу? . . . Где-то ваши интересы перехлестнулись. Или кто-то заплатил ему неплохо, чтобы ты не мешал. Но он тебя приговорил. . . Это ты понимаешь?

⁸ Согласно кавказским магометанским обычаям, покойников хоронят или в день смерти, или, максимум, на следующий день.

Таймасхану очень понравилась тактика, выбранная Хамзатом. Сам он не сумел бы настолько круто повернуть ситуацию. В действительности, Гилани требовался такой специалист, каким был сам Таймасхан. Но Таймасхан нашел подполковника Судоплатова, интересы Гилани его не касались. Но Гилани решил выжить из этого города Таймасхана с Хамзатом и привлек амбициозного, но малоумного Далгата для выполнения своих целей. Далгат окружил себя криминальными парнями и думает, что это позволяет ему быть сильным. Но теперь уже Далгат будет думать не о том, как выполнить просьбу Гилани, а только о собственной безопасности. Он знает, что в войне против Гилани не потянет. И сам Гилани по наивности думает, что его методы могут остаться безнаказанными со стороны Таймасхана с Хамзатом. Здесь он ошибается. Таймасхан не поднимет руку на человека, которого уважает, но если он перестанет уважать человека, то нет причин, которые могут остановить его. А в данном случае речь уже идет не об уважении, можно смело говорить об адате... Но Гилани слишком высоко взлетел в своем понимании, чтобы считаться с законами гор. А надо бы считаться...

По крайней мере, для себя Таймасхан уже решил твердо, что Гилани – следующий в очереди после подполковника Судоплатова. А если будет торопиться, то может стать и первым. Очередность в списке поменять недолго, если обстоятельства вынуждают к этому.

Разговор между Хамзатом и Далгатом продолжался.

– У тебя есть какие-то доказательства этого? – спросил Далгат.

– Ты хоть знаешь, на кого он тебя натравил?

– В этом городе не я должен знать, – ответил Далгат важно. – Здесь должны знать меня...

– Моему другу плевать на город, плевать на страну. Он специалист, услуги которого тебе, например, не по карману. Если он захочет, тебя не будет... Но мне ни к чему говорить много. А относительно Гилани ты подумай. Должна быть причина...

– Есть причина, – неохотно согласился Далгат. – Мы выбрали его третейским судьей в споре. Вопрос еще не решен. Я понадеялся на честность Гилани Гирмасолатовича. Но я тоже слышал, что деньги он любит больше своей честности. Это может быть поводом...

– Не обязательно, – Хамзат опять поступил умно, не желая соглашаться с первой же причиной. Сомнения, обычно со временем переходящие в мучительные, всегда сильнее давят на психику, чем определенность. – В этом случае он мог бы дать только согласие, чтобы твой оппонент оплатил услуги любого специалиста. И все. А сам бы связываться не стал. Мне кажется, так... Думай... Должно быть что-то другое. Гилани никогда не выступает без конкретной причины. Есть у него причина тебя убрать...

– Навскидку я сказать не могу... Мне надо подумать...

– Теперь давай договоримся о нашей войне. У нас дела в

городе, и тебя эти дела не касаются. Мы не трогаем тебя, ты не мешаешь нам. Такое положение вещей тебя устроит?

– Мне надо подумать, – повторил Далгат.

– Думай. Я позвоню тебе еще... – Хамзат отключился от разговора и повернулся к внимательно все слушавшему Таймасхану.

– Он мне не нравится, – сказал Таймасхан.

– Нам нужен аргумент, который сделает его более сговорчивым. Мне мало того, чтобы он не воевал против нас – необходимо, чтобы он помогал. Но он, кажется, собирается остаться в стороне, предоставив нам самим разбираться с Гилани. Он тогда, естественно, останется в выигрыше.

– Будет аргумент, – согласился Таймасхан. – Как только начнет темнеть, выйдем...

– Сначала подберем новые документы, – сказал Хамзат и придвинул к себе свою сумку...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Разговор с женой – дело сложное, как предвидел Андрей Вячеславович. Она, естественно, не может отнестись спокойно к тому, что сама она и дочери находятся под угрозой, и даже неизвестно, что это за угроза и во что она может вылиться, и чего стоит ждать. Мужчина угрозу всегда воспринимает иначе, чем женщина, и жене понять состояние мужа сложно.

Однако Валентина Сергеевна выслушала Андрея Вячеславовича вполне спокойно, хотя и с напряжением. Он позвонил ей еще перед выездом из военного городка и предупредил. И потому жена уже успела многое передумать и мысленно свыкнуться с возможной опасностью. Она всегда, как большинство женщин, сначала готова была беспричинно всех и вся обвинить неизвестно в чем и только потом начинала думать логически. И тогда уже становилась спокойной и рассудительной и порой могла даже дать дельный совет.

Как ни спешил Андрей Вячеславович, чтобы попасть домой побыстрее, обычные городские автомобильные пробки, свойственные всем без исключения большим городам России, дали возможность Валентине Сергеевне «пар выпу-

стить» и мужа встретить уже с холодной головой, чему он, конечно, мог только радоваться.

– И что мы будем делать? – спросила она.

– Их ищут... Менты ищут, другие чеченцы ищут, ФСБ ищет...

– Найдут?

– Трудно сказать, – честно ответил подполковник. – Большую группу найти легче, чем пару человек. Кавказцев в каждом городе – хоть палкой гоняй. Проверять будут, но даже если всех проверят, где гарантия, что у них нет других документов. Предположим, побитые менты смогут дать словесный портрет, даже фоторобот составят. Помнишь, однажды я тебе показывал фоторобот, который на меня делали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.